

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

9 (227) •
июль 2017

ЗА ЧТО ПОЛАГАТЬ
СВОЮ ДУШУ
стр. 9

ПОБЕДА НАД ПЛОТЬЮ –
НЕ В РАЗРУШЕНИИ,
А В ПРЕОБРАЖЕНИИ
стр. 20

НЕВОЗВРАТНО УШЕДШАЯ
ЖИЗНЬ КУЛЬТУРНЫХ
СЕМЕЙ РОССИИ
стр. 21

ТЕМА

ПРАВЕДНИКИ
стр. 11

Год столетия революции в России даёт нам повод снова посмотреть на последствия Русской катастрофы 1917 года. Посмотреть и увидеть, что избавиться от этого наследия можно лишь через покаяние

pokayanie1917.ru

Духовные итоги революции в России: коллективный человек и трагедия личности

8.11 – 10.11

МЕЖДУНАРОДНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ

МОСКВА – ПОДМОСКОВЬЕ

В чём бы мы сегодня ни видели причины революции 1917 года – в неизбежном стечении исторических обстоятельств, в особой провокации внешнего и внутреннего зла, в своеобразии русского национального характера, – несомненно одно: вся история России в XX веке остро ставит перед нами проблему личности, способной на ясное различие добра и зла, духовное самостояние и ответственный выбор. В 1917 году в России произошла национальная катастрофа, определившая трагическое развитие нашей страны в XX веке. Одним из главных проявлений этой катастрофы стал беспрецедентный антропологический кризис: не просто явление на исторической арене «человека массы», происшедшее во всем европейском мире, но превращение России в «мир поголовного хама и зверя» (И.А. Бунин). О фундаментальном изменении антропологического типа Н.А. Бердяев писал уже в 1918 году: «Слишком изменилось выражение лиц русских людей, за несколько месяцев оно сделалось неузнаваемым». Проходившее на протяжении всего XX века целенаправленное уничтожение наиболее независимой и самостоятельной части общества, длительный эксперимент по созданию «нового советского человека» не могли не иметь разрушительных последствий для страны и её народа.

Продолжая линию, начатую предыдущими конференциями («Равнина русская: опыт духовного сопротивления», «Люди свободного действия», «Дружеский круг как начало соборности и солидарности в России»), мы хотим говорить и о том, как в кризисные эпохи обретается опыт нового единства, новой общности, противостоящей «чёрной соборности» и обезличивающему «мы».

НА КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДЛАГАЕТСЯ ОБСУДИТЬ СЛЕДУЮЩИЕ ТЕМЫ:

- итоги революции и итоги осмысления 100-летия революции;
- практики личного самостояния в ситуации революционной катастрофы и тоталитарного государства;
- Homo soveticus: предпосылки, условия и итоги эксперимента;
- судьба личности в контексте историй человеческих общностей.

К участию в конференции мы приглашаем философов, историков, социологов, богословов, деятелей культуры и искусства, всех, кто выступал с различными инициативами по осмыслению и преодолению Русской Катастрофы, чтобы вместе подумать, к каким итогам мы пришли; куда и как двигаться дальше.

Конференция проходит в рамках общественной неполитической инициативы «Акция национального покаяния: Имеющие надежду», подробнее на сайте pokayanie1917.ru

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ:

- Преображенское содружество малых православных братств
- Свято-Филаретовский православно-христианский институт
- Московское Дворянское собрание

Питание, проживание, проезд из Москвы к месту проведения конференции (Истринский район Московской области, помещения Культурно-просветительского центра «Преображение») и обратно – за счёт принимающей стороны. Организационный взнос участника – 2000 рублей. Предполагается публикация лучших материалов конференции.

Для участия в конференции необходимо до 31 июля 2017 года заполнить заявку и прислать её на адрес conference@psmb.ru, указав фамилию, имя и отчество участника, город, место работы или служения, должность, электронный адрес и телефон, тему доклада и его тезисы (до 2000 знаков).

Юлия Балакшина,

Председатель оргкомитета конференции

доктор филологических наук, учёный секретарь Свято-Филаретовского православно-христианского института, доцент СФИ и РГПУ им. А.И. Герцена

Контактные данные оргкомитета:

conference@psmb.ru, +7-965-359-59-47, Екатерина Алексеева

Содержание

ИЮЛЬ 2017

~ события

«Образование братств было церковным ответом на насилие над душой, над разумом» | 3

Физики и клирики искали смысл науки, познания и жизни | 6

Научный журнал СФИ вошёл в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК | 19

~ 1917–2017

За что полагать свою душу | 9

~ тема номера

Не стоит село без праведника, а город без святого | 11

Победа над плотью – не в разрушении, а в преображении | 20

~ церковь и культура

Путешествие к Святому граду | 15

~ живое предание

Невозвратно ушедшая жизнь культурных семейств России | 21

~ 1917–2017

Июль 1917: на пути к эфемерной диктатуре | 26

«Все настроены против большевиков и ловят их даже в трамваях» | 32

Издание Преображенского содружества малых православных братств

gazetakifa.ru

Кифа

Главный редактор:
Александра Колымагина
Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

**Подписной индекс
в агентстве Роспечать: 19601**

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3

Тираж 1100. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 2 июля 2017 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00. Дата выхода в свет 16 июля 2017 г.

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение». Газета издаётся с октября 2002 г. Культурно-просветительский фонд «Преображение». Все права защищены. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38)
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине YMCA-Press, 11, rue de la Montagne-Sainte-Genève
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США и Канада: +1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.)

В ГАЗЕТЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ МАТЕРИАЛЫ САЙТА SFI.RU

Дорогие друзья! На страницах этого вышедшего в новом формате номера вы встретите множество праведников.

Среди них будут и те, кто жил в прошедшем столетии: это протоиерей Всеволод Шпиллер, схиигуменья Фамарь (Марджанова), князь Евгений Трубецкой...

Так почему же не такие люди определили судьбу страны? Почему главной действующей силой происходивших в 1917 году событий стали совсем другие? Почему во главе России в этот страшный момент оказался авантюрист – и не только возглавил её, но и вызывал у многих восторг и восхищение? Почему вся страна поддалась искушению мгновенным миром, хлебом и властью – получив вместо этого, как бывает, когда веришь дьявольским обещаниям, бесконечную гражданскую войну

(продолжавшуюся десятилетиями и по окончании военных действий – уже в формате жестоких репрессий), голод и социальное рабство?

В нашей душе всё время продолжается древний торг с Богом, который когда-то вёл Авраам: пощадишь ли место сие ради пятидесяти праведников? А сорока? А десяти?

К несчастью, иногда праведников оказывается слишком мало – и тогда происходит катастрофа. Так что этот вечный вопрос на самом-то деле обращён к каждому из нас, и звучит он так: готов ли ты идти вслед за Христом, чтобы удержать хоть что-то? Поможешь ли другим встать на этот путь?

Это очень трудный вопрос и трудный выбор. Чтобы ответить на него, необходима помощь и опора. Необходима надежда. Поэтому на наших страницах будут, как и прежде, звучать голоса

Александра Колымагина

тех, кто может такую надежду дать. Ведь без неё всем нам никогда не встать на путь, который ведёт к подлинному освобождению и исцелению. **КФ**

Н О В О С Т Ъ Н О М Е Р А

Патриарх Кирилл: Поместный собор 1917–1918 годов имеет огромное значение для Церкви

Патриарх Кирилл, выступая 13 июня на первом заседании Попечительского совета Новоспасского монастыря, призвал привести в порядок все документы Поместного собора 1917–1918 гг.

Предстоятель Русской православной церкви отметил, что этот Собор имел огромное значение в жизни Церкви: «Он как бы подвёл черту сложного Синодального периода, черту церковной несвободы, он наметил обширную программу возрождения церковной жизни в России, он избрал Патриарха после 200-летнего перерыва, но, к сожалению, решения Собора не могли быть реализованы по

причине наступивших затем трагических событий».

Патриарх напомнил о практической ценности соборных решений, принятых в начале XX века: «Сегодня наша Церковь обращается к материалам Собора, и многое из того, что было Собором сформулировано, ныне претворяется в жизнь. Полагаю, что материалы Собора 1917–1918 годов ещё могут помочь нам в решении целого ряда первостепенных вопросов и проблем, с которыми Церковь сталкивается. Поэтому я придаю большое значение изданию всего корпуса материалов Поместного Собора 1917–1918 годов».

Предстоятель РПЦ призвал окончить изда-

ние документов Собора к его столетнему юбилею: «Публикация материалов требует большой научной работы. Необходимо привлечь к этой деятельности исследователей, в первую очередь в области церковной истории, с тем, чтобы издание материалов Собора стало научным процессом, в

ходе которого мы бы вычленили из всего этого объёма именно то, что может сегодня самым эффективным образом работать на нужды Церкви и общества. Я хотел бы предложить поддержать этот проект, который мы надеемся завершить к юбилею Поместного Собора, то есть к 2017–2018 году». **КФ**

«Образование братств было церковным ответом на насилие над душой, над разумом»

10 июня на Левашовском мемориальном кладбище под Петербургом был установлен закладной камень на месте будущего памятника погибшим от репрессий членам православных братств

Текст: Анастасия Наконечная, Андрей Белоусов
Фото: Игорь Хмылёв

На Левашовском мемориальном кладбище 10 июня был установлен закладной камень памятника членам православных братств, пострадавшим в годы советских репрессий. Памятник будет изготовлен на грантовые средства (проект – победитель конкурса «Православная инициатива»), а также на частные пожертвования, и установлен к столетию возрождения братского движения в России.

Во время общей молитвы звучали пасхальные приветствия и имена погибших во время репрессий братчиков (среди которых поминались члены не только петроградских братств, но и Крестовоздвиженского братства Н.Н. Неплюева, и братства владыки Макария (Опоцкого)). На вопросы «Кифы» ответили совершавшие литию священнослужители

Почему для Вас важно было сегодня оказаться здесь?

Протоиерей Александр Будников, благочинный храмов Выборгского округа: Я здесь и «по должности», и по зову сердца. Я отношу себя к тем людям, которым очень близки идеи Александра Исаевича Солженицына, и очень интересуюсь историей России, особенно историей нашего Отечества и историей Церкви двадцатого века. Это очень трудная тема. Сколько погибло невинных людей – и даже не репрессированных, а просто умерших в голодоморах! В двадцать первом году был страшный голод. В тридцатые годы были несколько голодоморов. После войны – об этом мало говорят – в сорок

седьмом году, по разным оценкам, не менее двух миллионов человек умерло от голода. И когда говорят или пытаются говорить о достижениях, невозможно не ответить: да, были достижения, но какой ценой? Сколько тысяч костей замуровано в берегах Беломорканала и канала Москва–Волга вместе со строительным раствором?

Некоторые историки критиковали царя Петра и осуждали его за то, что он на болоте построил Петербург и много погибло строителей. Но разве можно сравнивать количество погибших тогда и погибших в минувший век? Ведь погибшие в нашей стране в XX веке – это миллионы! Конечно, перед Богом ценна каждая жизнь, жизнь любого

человека. Но здесь важен ещё один аспект: это была определённая идеологическая политика, по сути дела, геноцид. Если нацисты проводили геноцид по расовым признакам – там уничтожению подвергались неполноценные с точки зрения их идеологии расы, то у нас был классовый геноцид. Помните, был такой товарищ Лацис? Вот он прямо говорил: «Уничтожать по классовым признакам. Расстреливать...» Там не искали виновных. Принадлежишь ты какому-то классу...

к священству, например...

...к духовенству или какой-то ещё социальной группе – тебя просто уничтожали. Вспомните систему заложни-

ков, первые концлагеря. Вспомните, что делал с тамбовскими крестьянами командарм Тухачевский, Котовский и ряд других советских военных деятелей. Если всё это поднимать, то такая страшная картина возникнет! Другими словами, история России двадцатого века – это многострадальная, кровавая, трагическая история. Отчасти мы сами в этом виноваты, потому что большинство народа, к сожалению, в тот момент впало в безумие, поверило, что можно таким путём осуществить утопию – создать какое-то справедливое общество, рай на земле, и как бы сошли с ума. Потому что сколько их было, комиссаров-большевиков? Горстка, несколько сотен. Если бы им никто не поверил, они бы проиграли. Или просто в сумасшедший дом их отправили бы и забыли бы давно. Так что, к сожалению, как показывает наша история, это трагедия всего нашего народа. И вот теперь дай Бог, чтобы потихонечку все мы приходили в здравое сознание и к здоровой оценке всего того, что мы пережили. И чтобы никогда к этому не возвратились. Не нужно нам больше никаких социальных или каких бы то ни было экспериментов, а нужно возвращаться к основам нашей тысячелетней истории, основанной на вере, благочестии, заповедях Господних.

Протоиерей Михаил Владимиров: Я произнесу неоднократно уже звучавшую фразу: народ, не помнящий своей истории, рискует повторить её вновь. Христос заповедал нам быть подлинными. Он явился в исторически определённое время, с определённой целью, в определённой исторической

канве. Мы народ прежде всего христианский и не имеем права приносить в жертву сиюминутной политической выгоде нашу многострадальную кровавую страшную историю. Сегодняшний день – это ещё один кирпичик в здание того фундамента, встав на который, мы совершим подлинное покаяние. Краеугольный же камень для нас – Христос. И только осознав глубину нашего падения в советский период времени, глубину нашего отречения от Христа и последовавшую за этим страшную катастрофу, мы можем осознать и каков выход для нас – и для каждого в отдельности, и для всей страны в целом. Мы знаем, что катастрофы подобного рода, хотя и разного масштаба, происходили и у некоторых других народов. Бывали и моменты осознания, и акты народного покаяния, порой даже законодательно закреплённые. У нас же на сегодняшний день нет чёткого, определённого мнения о событиях минувшего века ни среди людей, ни среди правительства. А ведь это важнейший момент, который либо изменит нашу судьбу в очах Божиих, либо оставит нас «странной нераскаянной Каинов», которая будет продолжать источать из себя миазм раковой опухоли, захватывающей наши силы.

Священник Константин Морозов: 1917 год, столетие которого мы вспоминаем, – переломный год в истории России. Безусловно, этот закладной камень – одна из вех памяти об итогах 1917 года, трагического года, когда мы потеряли старую Россию, которую до сих пор не обрели. И безусловно, это дань памяти тем людям, которые проявили своё мужество перед лицом испытаний. У нас нет сегодня таких гонений, репрессий и преследований, но мы не имеем мужества в вере. Может быть, когда Господь поставит нас перед испытанием, кто-то и покажет своё мужество. Но сейчас такого мужества нет. И то, что те, кого мы вспоминаем, проявили свою веру, показывает, насколько она была глубока

и продуманна. Думаю, что новомучеников и исповедников, которые были членами братств, созданных для защиты православия в годы гонений, для распространения просвещения в те годы, когда закрывались и воскресные школы, и духовные школы, спланивало это общее служение. Оно давало им возможность жить в тех стеснённых обстоятельствах. Жизнь продолжалась. Она была какой-то иной. Можно прочитать много книг о катакомбах XX века, но главное, на мой взгляд, – у людей было чувство изменённости. Что-то ушло, но взамен для кого-то пришла святость, а для кого-то – грех и отчаяние. Общество резко разделилось, как это всегда случается в критический момент. Кто-то был готов идти на жертву – в первую очередь ради свидетельства о воскресении Христовом. А кто-то был готов убить человека, лишь бы самому остаться в живых. И мы сейчас видим, что имена большинства людей, сделавших второй выбор, – в забвении. А имена первых мы ищем в архивах, в тех или иных книгах, мемуарах. Этим занимается огромное количество людей, и сегодня многие из них пришли сюда – значит, эта тема им не безразлична, как и мне. Мы потеряли уникальных людей. И стоит задуматься о том, что страна была бы другой, если бы эти люди были живы. Насколько мы были бы вообще другим обществом и иным государством, если бы они не лежали сейчас на Левашовском кладбище в бесчисленном количестве, а были с нами в течение минувшего столетия.

Памятник, который мы будем устанавливать на месте этого закладного камня, посвящён погибшим членам братств – тех братств, которые стали возникать в ответ на призыв патриарха Тихона и при поддержке митрополита Вениамина. А насколько сейчас актуален этот призыв? Нужны сейчас братства или нет?

Прот. Александр Будников: Я думаю, что нужны. Конечно, сейчас создать многочисленные братства сложно. У нас ведь жизнь церковная только начинает развиваться. Ещё много всяких условностей, страхов. С другой стороны, распространено потребительское отношение к церкви: «Дай мне, Господи, то, чего я хочу – земных благ, успешности в земных делах...» А глубинной-то веры нет, той веры, с которой человек обращается с молитвой: «Да будет воля Твоя». И чаще всего воцерковление людей пока ещё неполное, незначительное. Поэтому пока что широкого распространения братств, церковных движений нет. Но они уже появляются и когда-нибудь, я думаю, свою положительную роль сыграют.

Прот. Михаил Владимиров: Конечно, это во многом остаётся только благим пожеланием, хотя внешняя деятельность братств, безусловно, существует, и это очень отрадный факт нашей жизни. Чем больше во круг зла, тем больше умножается и благодать, как мы помним. Тем больше надежда, что люди будут объединяться не по принципу «как вместе хорошо отдохнуть и друг другу понравиться», а по принципу «как вместе спастись во Христе». Это возможно, когда есть не просто общие цели и устремления, а когда есть и очень важный побуждающий фактор. На сегодняшний день мы

можем потерять нашу страну и нашу национальную идентификацию как русских людей. И то, что делает нас русскими, дают на сегодняшний день именно братства, где есть твёрдая историческая память, где есть и свой печатный орган, и возможности выхода на какие-то общественные организации. Мы видим, что когда правящая элита оказывается бес- сильной (а это не раз было в истории, и не только в нашей стране), то должно быть какое-то движение снизу. Образование братств в минувшем веке было церковным ответом на на- силие над душой, над разумом наших соотечественников. Именно так и создаются такие братства, у которых должна быть, безусловно, твёрдая позиция относительно того, что было и что нужно делать. Сказано это было русскими людьми давно, ещё в эмиграции. Пускай они не жили в это время в России, но они оставили нам огромное наследие. Его изучение – наша святая, не побоюсь этого слова, обязанность. Я говорю, в частности, об изучении наследия наших русских философов – Семёна Франка, Ивана Ильина. Это движение было очень активным в начале 1990-х, но потом, в силу разных обстоятельств, может быть, в силу попущения Божьего, как-то не приняло широкого распро- странения. А ведь всё было сказано уже тогда. И глубокое осмысление этого наследия позволит нам погово- рить и о настоящем, и о будущем.

Свящ. Константин Морозов: Я думаю, что это очень актуальный вопрос. Если бы такие братства были в приходах и епархиях – пусть даже одно, но сильное – это было бы очень мощным двигателем православия и на приходах, и во всей епархии. Почему люди сплывались в братства? У них было общее дело. В то время прежде всего это защита православия. И к этому огромное количество таких важных и нужных дел – просвещение, миссионерство. Это то, что формиро- вало людей, находящихся в братствах. Как монахи спасаются вместе, так и миряне должны спасаться вместе. Поэтому, конечно, нужно организовы- вать наших прихожан, объединять их вокруг такой деятельности. Это будет замечательно. **КФ**

Из выступления А.Я. Разумова, руководителя центра «Возвращённые имена» при Российской национальной библиотеке, одного из создателей и историков мемориала «Левашовская пустошь»

Какой счастливый день, Господи! Мы отыскивали в архивах и изучали следственные дела. Мы оставляли здесь, на Левашовском мемориальном кладбище, памятные знаки и памятники и ухаживали за ними. И вот мы выбрали пре- красное место для прекрасного памятника.

У нас большой путь впереди. Мы места советских злоде- яний должны превратить в места памяти – памяти всег- дашней, памяти на каждый день. И таких мест уже доволь- но много. Это наше Левашово под Петербургом, Сандармох под Медвежьегорском, Красный Бор под Петрозаводском,

Секирная Гора на Соловках, Бутово и Коммунарка в Мо- скве, Дубовка под Воронежем, Зауральная роща в Оренбур- ге, Медное под Тверью, Катюнь под Смоленском, Быковня под Киевом, Куропаты под Минском. Много этих мест. Они уже стали местами памяти. А многие места массовых погребений ещё не найдены. Мы должны их отыскать и сделать местами памяти.

Наш памятник здесь, конечно, будет замечателен и будет всеми принят. Я верю в это. И мы не остановимся на этом пути. С Богом, дорогие братья и сёстры.

Физики и клирики искали смысл науки, познания и жизни

В Свято-Филаретовском институте
продолжается конференция «Физика и богословие»

Текст: Софья Андрюшенко

Фото: Александр Волков

Сайт Свято-Филаретовского института

Что движет человеком, познающим мир: «инстинкт» любопытства, социальный заказ или особые переживания, связанные с постижением реальности? На четвёртом году научно-богословских встреч «физики и клирики» снова вышли на основные вопросы: о смысле жизни и о движущей силе человеческого познания.

Основной мотив познания – тяга к новому, своего рода потребность, присущая не только homo sapiens sapiens, но и всем живым тварям, и некоторые из людей удовлетворяют эту потребность при помощи научной деятель-

ности. Такое мнение высказал Сергей Рубин, профессор Национального ядерного университета МИФИ.

Но если интерес к познанию – что-то вроде инстинкта, а инстинкт, как известно, – свойство вида, то почему он так локально и неравномерно проявляется в человеческом виде, возразил заведующий кафедрой философии СФИ Григорий Гутнер. «Существуют целые цивилизации, которые обходятся без научно-исследовательской деятельности и не задаются вопросами о структуре Вселенной, – сказал он. – Должно произойти какое-то “инфицирование”, чтобы этот интерес проснулся».

«Кроме того, среди исследователей существует мнение, что в человеке инстинкт как момент генетически предопределённых наклонностей и механизмов очень слаб, – добавил он. – Человек – существо, преимущественно мотивированное культурно, а не биологически. От амёбы до Эйнштейна не получается непрерывной цепочки: там, где появляется человек, происходит слом».

Ведущий научный сотрудник Института астрономии РАН Александр Багров связывает основной мотив научной деятельности с возможностью ответить на потребности общества. Именно социальный заказ в конечном счёте движет наукой, уверен Александр Викторович.

Хотя и государственный, и общественный заказ играет ощутимую роль в истории развития науки, он не объясняет самой мотивации людей, которые из множества запросов от-

кликаются именно на этот и решают заниматься наукой – весьма специфическим видом познавательной деятельности, считает Григорий Гутнер. Учёные – это люди, скорее, наоборот, занятые «антиобщественными и бесполезными вещами», социуму непонятными и с точки зрения прагматики бесперспективными: кому в XVII веке были нужны эти странные эксперименты с янтарем и кошачьей шерстью?

«Если бы сами учёные были движимы исключительно общественным запросом, некой насущной потребностью, я подозреваю, наука была бы страшно унылым и неинтересным предприятием, – говорит Григорий Борисович. – А момент творческого поиска, серьёзной озабоченности вопросом “а как оно на самом деле?” пришлось бы подавлять, поскольку оно толкает науку в бесполезном направлении».

«Когда я поступала на физмат, у меня не было мотива пользу обществу принести, – признаётся ведущий научный сотрудник Института прикладной математики имени Келдыша Галина Шпатаковская. – Просто нравилось задачки по физике решать».

Академик Алексей Старобинский заметил, что понятие социума само по себе слишком расплывчато, чтобы видеть в его запросах некий монолитный фактор развития науки: «Сам учёный одновременно входит и в социум своей страны, и в специфический социум учёных, и ещё во множество разных сообществ, интересы которых иногда совпадают, а иногда нет».

Профессор священник Георгий Кочетков,
магистр (кандидат) богословия, ректор СФИ

«Вопрос о смысле жизни человека становится каким-то лучезарным, светлым»

Продолжая мысль академика Старобинского, ректор СФИ священник Георгий Кочетков добавил, что общество нельзя абсолютизировать. «На нашем простом богословском языке абсолютизация относительного называется идолопоклонством – это вещь в духовном опыте, связанная с какой-то глобальной ошибкой, – сказал отец Георгий. – Нельзя обожествлять всё что угодно: инстинкты, социум, красоту, свои ощущения, хотя во всём этом можно найти относительный смысл».

«В общественной жизни тоже может быть смысл, – добавил он. – Мы бы хотели, чтобы он был, и расстраиваемся, когда видим, что его нет: бессмысленное общество не может поставить осмысленной задачи, и если оно какую-то задачу всё же ставит, получается безумие или преступление против человечества, что мы целый век наблюдаем в нашей стране и не только у нас».

Науку как общественный институт всегда движет неконсервативное меньшинство, ибо большинство общества ради его стабильности обычно консервативно, уточнил академик Старобинский. «Наука – сверхамбициозный проект, претендующий понять и объяснить всё рационально, а желательно ещё и предсказать, – говорит Алексей Александрович. – В принципе, такой проект мог бы быть и неосуществим. Однако Бог не только создал мир, но и сделал так, чтобы во всех вопросах, не касающихся самого Творца, человек мог его понять без помощи Бога».

Ведущий семинара Максим Зельников поделился, что для него в науке важно «ощущение прикосновения к реальности, которое возникает, когда удаётся что-то понять, ощущение того, что реальность есть и она нам открылась».

«Что-то начинаешь переживать, когда прикасаешься к человеческой мысли: как я мыслю? как люди мыслят? что происходит, когда человек познаёт? Это некоторая реальность, с которой ты сталкиваешься и которая тебя увлекает и завораживает, и её хочется понять», – говорит Григорий Гутнер, проводя аналогию между естественнонаучной и гуманитарной сферами познания.

Академик Старобинский убеждён, что при наличии всех названных факторов главный двигатель науки – тяга человека к творчеству. «Наука держится где-то посередине между производством и творчеством, свободным от общественного заказа», – подытожил он.

Второй излюбленный вопрос физиков, который обсуждали в этот раз, – о смысле жизни. Каждый человек может найти смысл в своих повседневных действиях или в планах, связанных с более отдалённой перспективой. Но не всегда удаётся собрать эту цепочку целей в одно, усмотреть за ними единый смысл. На уровне устремлений мы чаще приписываем чуть ли не абсолютное значение конечным, относительным целям.

Разговор показал, что бесполезно искать смысл в прагматической пло-

скости. «Попытка обосновать смысл жизни утилитарно, сводить вопрос о смысле к вопросу о той или иной цели снижает его, как бы понижает в цене сам вопрос», – уверена Екатерина Полякова, профессор Грайфсвальдского университета имени Эрнста Морица Арндта.

Более жизненным и правдивым оказался не вопрос о том, существует ли окончательный, единый смысл жизни, а вопрос: хочу ли я, чтобы он существовал? В чём «смысл смысла» для человека?

Академик Алексей Александрович Старобинский, доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Института теоретической физики имени Ландау РАН

«Бог не только создал мир, но и сделал так, чтобы во всех вопросах, не касающихся самого Творца, человек мог его понять без помощи Бога»

«От амёбы до Эйнштейна не получается непрерывной цепочки: там, где появляется человек, происходит слом»

Как заметил первый проректор СФИ Дмитрий Гасак, «хотя жизнь иногда даёт основания сомневаться в существовании смысла, но что-то в человеке не позволяет ему смириться с его отсутствием».

«Нельзя смысл жизни человека не соотносить с Богом, с Его жизнью и той жизнью, которую Он даёт человеку – каждому человеку и всем вместе, и обществу в том числе, – уверен отец Георгий. – Для меня смысл связан с целостностью, полнотой, с тем, что мы называем образом и подобием

Ведущий семинара Максим Иванович Зельников, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Физического института имени Лебедева РАН, старший преподаватель СФИ

Божьим в человеке. Нет Бога – нет человека. И творчество, о котором сказал академик Старобинский, – это и есть богоуподобление. Неслучайно никто из людей не согласен быть нетворческим, так же как никто не хочет быть бессовестным, даже в наше столь

Григорий Борисович Гутнер, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин СФИ и Сергей Георгиевич Рубин, доктор физико-математических наук, профессор Национального ядерного университета МИФИ

бессовестное и нетворческое время, потому что творчество и совесть – это качества человека, восходящие непосредственно к Богу».

«У человека, который несёт в себе божий Дух, все вещи в его внутренней жизни могут восполняться, обретать какую-то полноту и целостность, даже если они объективно сейчас не таковы. Человек имеет способность всё «достраивать», как бы открывать. К сожалению, мы в своё время немного не договорили об открытии и откровении. И эта способность к творчеству есть во всяком человеке, другое дело, что она может быть закрыта, а может быть раскрыта».

«Научные достижения всегда относительны, – добавил отец Георгий. – Эти достижения человеческого духа и разума больше апеллируют к радио, но учёные же люди, и они не хотят ограничиваться только рациональным. Вопрос о смысле жизни человека становится каким-то лучезарным, светлым. Он не отягощает человека, как атлантов, которые держат что-то на своих плечах, а позволяет ему возвыситься, воспарить, не уходя от реальности жизни в некий идеализм».

Конференция «Физика и богословие» началась в СФИ в марте 2013 года. Она ставит своей целью свободный диалог и углубление взаимопонимания между представителями

фундаментальной науки и христианского богословия.

В очередном круглом столе, состоявшемся в СФИ 12 июня, приняли участие главный научный сотрудник Института теоретической физики имени Ландау РАН академик Алексей Старобинский; ректор СФИ кандидат богословия профессор священник Георгий Кочетков; ведущий научный сотрудник Института астрономии РАН доктор физико-математических наук Александр Багров; профессор Национального ядерного университета МИФИ доктор физико-математических наук Сергей Рубин; главный специалист НИЦ «Курчатовский институт» Сергей Неретин; профессор Грайфсвальдского университета имени Эрнста Морица Арндта доктор философских наук Екатерина Полякова; ведущий научный сотрудник Института прикладной математики имени Келдыша доктор физико-математических наук Галина Шпатаковская; первый проректор СФИ Дмитрий Гасак; профессор СФИ кандидат педагогических наук Александр Копировский; заведующий кафедрой философии, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин СФИ, ведущий научный сотрудник Института философии РАН доктор философских наук Григорий Гутнер; заведующий кафедрой богословских дисциплин и литургики СФИ кандидат филологических наук Давид Гэгзян; заведующий кафедрой Священного писания и библейских дисциплин СФИ Лариса Мусина; старший научный сотрудник Физического института имени Лебедева РАН, старший преподаватель СФИ кандидат физико-математических наук Максим Зельников. **КФ**

За что полагать свою душу

О протоиерее Всеволоде Шпиллере
вспоминает священник Георгий Кочетков

Беседовала Александра Колымагина

Фото из архива семьи Шпиллеров и из архива Преображенского братства

Отец Георгий, мы в последнее время ищем воспоминания и дневники, связанные с событиями столетней давности. И вот вспомнили, что о Всеволоде Шпиллере сражался в Белой армии, и подумали – может быть, он Вам что-нибудь об этом рассказывал?

Отец Всеволод не однажды вспоминал во время наших разговоров о революционных событиях, о гражданской войне. Этот вопрос был для него, безусловно, важен и, видимо, очень его беспокоил. При этом он чаще всего делал какие-то общие выводы. Я помню, он говорил мне: вот, говорят, красные зверствовали. Да, это так. Но зверства были иногда и со стороны Белой армии. Красные вырезали на плечах солдат Белой армии погоны, сдирали кожу, но и белые вырезали звёзды на груди красных. И заложники были и у белых, и они расстреливали их по примеру красных. Отрицать эти факты невозможно, хотя и можно говорить о том, что террор начали именно красные, что масштаб зверств был несоизмерим.

Вывод его был такой: да, были одни, были другие, кто-то более прав, кто-то менее, но всё равно это было *не то* и с той, и с другой стороны. Я помню его фразу: надо было полагать свою душу не за старый мир, не за новый мир, а за высшие ценности – по существу, за божественное начало. Это первое, что мне запомнилось из этих разговоров.

Он, конечно, был человеком осторожным, а я был тогда ещё довольно молодым (это была середина 1970-х

годов, мне было где-то 25 лет), понятно, что хотя мы и были уже достаточно хорошо знакомы, он осторожничал. Это было в его натуре, без этого было невозможно. Поэтому я думаю, что он говорил не всё, но тем не менее говорил.

Был ещё один интересный рассказ. Когда он лежал в больнице, он попал в палату с человеком примерно его возраста, с теми же болезнями. И тот стал рассказывать, как был в Красной армии, воевал в таких-то местах. И вдруг отец Всеволод говорит ему: а я тоже там был, и тоже воевал, только с другой стороны. Причём место, где проходил этот бой, было имением древнего королевского литовского рода Радзивиллов, с которым была в родстве супруга о. Всеволода¹. И вот на него, видимо, произвело большое впечатление, что два очень старых человека с одинаковыми немощами, которые в молодости сражались по разные стороны баррикад, были врагами, встретились в одной палате. Из этого он делал вывод, что разделение народа ничем не оправдывалось, что оно было искусственным. Теперь-то мы это всё хорошо и сами понимаем. Но тогда, в середине 1970-х, это звучало редко.

Недавно в одной интернет-публикации я прочитала, что о. Всеволода благословил вернуться в Россию архиепископ Серафим (Соболев) со словами: духовно там всё разрушено до основания, старайся восстановить хоть что-нибудь. Как Вам кажется, это правда?

Всеволод Шпиллер
в годы гражданской войны

Всеволод Дмитриевич Шпиллер родился 14 июля 1902 года в Киеве в семье архитектора.

Учился во Владимирском кадетском корпусе в Киеве.

В конце октября 1917 года сохранившие верность присяге солдаты и офицеры русской армии и воспитанники военных училищ противостояли частям украинских националистов и отрядам красных. Всеволод Шпиллер, которому только что исполнилось 15 лет, участвовал в этих боях, был ранен. Вступил добровольцем в Белую армию.

В 1918–1920 гг. в офицерском звании воевал на фронтах гражданской войны.

С 1921 г. жил в эмиграции в Константинополе, Галлиполи, в конце того же года переехал в Болгарию.

В 1934 году был рукоположен архиепископом Серафимом (Соболевым) (РПЦЗ), служил в качестве клирика Болгарской православной церкви в Пловдивской епархии, а с 1944 года – в Софии.

В 1950 году репатриировался в СССР.

В 1950–1951 гг. – инспектор Московской духовной академии и семинарии, доцент. В 1951 году недолго был настоятелем Успенской академической церкви в Новодевичьем монастыре.

В 1951–1984 гг. – настоятель храма Святителя Николая в Кузнецях в Москве.

Да, очень похоже. У них были близкие отношения с владыкой Серафимом, он много раз касался этой темы. Он был чуть ли не его помощником и отзывался о нём если не восторженно, то во всяком случае очень уважительно.

Получается, он вернулся, чтобы служить восстановлению тех самых высших ценностей...

Поэтому он и вёл себя так осторожно: у него были стратегические планы. И он прекрасно понимал ситуацию, в которой находится, знал, что за ним очень присматривают, что власть ему не до конца доверяют, что его очень отслеживают. При этом он действительно многое делал. Он умел организовывать дело, касалось ли это, скажем, канонизации Андрея Рублёва, или чего-либо другого. Он действительно собирал народ. Он делал по-другому то же, что делал, скажем, отец Александр Мень. Это же делали и отец Виталий Боровой, и отец Таврион (Батозский), и отец Иоанн (Крестьянкин). Все мои учителя в 1970-х годах делали одно дело, но очень по-разному, поэтому друг друга не признавали. Но отец Всеволод любил немножко критиковать всех, у него был критический склад ума. Он не очень хорошо отзывался, скажем, о митрополите Никодиме и об отце Александре Мене... Когда он сравнивал о. Александра Шмемана и о. Иоанна Майндорфа², с которыми он поддерживал отношения, то был больше на стороне отца Иоанна Майндорфа. Шмеман ему не очень нравился. И Солженицын вызывал у него раздражение...

С этим для меня связано очень грустное впечатление. Когда мы планировали эту публикацию, я (совсем забыв такие когда-то привычные реальности советского времени) решила поискать какие-нибудь воспоминания о. Всеволода о времени гражданской войны в огромном томе его переписки, изданном в 2000-х годах. Конечно, листая письма, я сразу поняла, сразу вспомнила, что ничего подобного в

Протоиерей Всеволод Шпиллер с Георгием Кочетковым и Александром Копировским во дворе Николо-Кузнецкого храма. Середина 1970-х годов

них быть не могло. Но зато я нашла лишнее подтверждение тому, что «письма отца Павла Троицкого», которым так доверяли и сам о. Всеволод, и некоторые из его духовных чад, действительно были проектом КГБ³. В сборнике почти подряд идут два письма «о. Павла», где тот очень аккуратно, но энергично и настойчиво осуждает Солженицына. И сразу вслед за этим появляется интервью о. Всеволода Агентству печати новости, где он повторяет направленные против Солженицына аргументы из этих писем...

Жаль, но он, конечно, очень доверял этим письмам. Думаю, и он, и другие адресаты просто никогда не думали, что можно дойти до такой подлости, до такой низости – посылать от имени исповедника веры фальшивые письма. В их умы и сердца это просто не умещалось, хотя они были опытными и умными людьми.

В этих письмах, насколько я помню, были нападки и на нас. И поэтому о. Всеволод в какой-то момент стал нас сторониться, хотя и не разорвал отношений, и мне никогда, ни разу ничего не говорил. Мы всегда, до самой его кончины, оставались очень близкими людьми. Он наверняка видел у нас какие-то недостатки, тем более что мы были тогда молодыми и неопытными. Но он очень во многом шёл нам навстречу, настолько во многом, что я до сих пор этому поражаясь. Он намного опередил своё время и, конечно, не был

похож на столь уважаемого им владыку Серафима (Соболева), ограниченного кругом фундаменталистских представлений. Отец Всеволод был выдающимся церковным деятелем, мыслителем, проповедником, хотя и не был богословом. Это был замечательный человек, подлинно культурный, духовный, можно сказать, даже святой.

¹ Конечно, будущей супруги, ведь во время гражданской войны Всеволоду Шпиллеру было 16–17 лет.

² Так произносят свою фамилию многие члены семьи Мейендорфов.

³ В течение многих лет о. Всеволоду Шпиллеру и некоторым другим представителям церковной интеллигенции передавались письма, подписанные исповедником веры о. Павлом Троицким. Никто из получателей никогда не видел старца, письма передавала Агриппина Истнюк, представившаяся его духовной дочерью и объяснившая, что о. Павел живёт в затворе в Калининской (ныне Тверской) области. Письма показывали удивительную осведомлённость автора не только в событиях жизни адресатов, но и в подробностях церковной политики, в том числе международной. В ноябре 1991 года Агриппина Истнюк передала известие о кончине о. Павла и вскоре скончалась сама. Когда в 1990-е годы были открыты архивы КГБ времён репрессий, оказалось, что подлинный о. Павел Троицкий погиб в заключении в 1944 году. Некоторые историки считают это доказательством того, что письма были написаны в подразделении КГБ, занимавшемся церковью, и были инструментом влияния этой организации на некоторые круги верующих. Однако многие из бывших адресатов писем продолжают верить в то, что получали письма от старца. КФ

Не стоит село без праведника, а город без святого

Из доклада А.М. Копировского об образе праведника в иконописи и живописи

Образ праведника рисуется в Писании (прежде всего в Псалтири и Притчах) удивительно широко. Праведник «цветёт как пальма», «ненавидит ложное слово», «смел, как лев»... Но самым сильным оказалось знаменитое пророческое слово: «Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на себе понесёт»

Прежде всего вспомним, что значит по православным канонам «праведник». Оказывается, это очень небольшая категория людей: просто святые миряне. Например, Иулиания Лазаревская, аскетичная при всём своём богатстве (в её житии приводятся такие подробности: «Зимой оставалась без тёплой одежды, сапоги на босые ноги надевала, а под подошвы ореховые скорлупы и острые черепки подкладывала»). При этом она была невероятно милосердной, раздавала своё имущество голодным. Или Симеон Верхотурский – дворянин, ушедший из дома и предельно опростившийся. Он питался лишь пойманной им самой рыбой и безвозмездно шил шубы крестьянам. Его считали юродивым одно время, но он не ходил без одежды зимой, не принимал на себя личину безумного, не обличал пороки окружающих. Единственное, в чём он был подобен другим юродивым: чтобы избежать похвал, никогда не доводил до конца свою работу, а оскорбления и даже побои за это принимал с благодарностью. Зато был любим местными язычниками, поскольку с любовью же благовествовал им Триединого Бога и Царство Небесное.

Таких праведных мирян в святцах очень мало. Позже число праведников было расширено за счёт священников, которые не входят ни в одну из традиционных категорий святости. Они не преподобные, не благоверные князья, не апостолы, не пророки и, в то же время, многое из названного в себе совмещают – например, Иоанн Кронштадтский и Алексей Мечёв. Вот они и оказались «святыми праведными».

Если обратиться к словарям, получим такое толкование слова «праведник»: «тот, кто выполняет заповеди нравственного содержания». Конечно, такое определение вызывает улыбку, потому что уж оно совсем узкое и практически ветхозаветное.

Спросим всеведущий интернет: что такое праведник? Там лучшим ответом был признан следующий: «тот, кто

выполняет волю Бога». Это уже интереснее, чем то, что предлагает энциклопедический словарь, правда?

И наконец, посмотрим, что говорит Священное писание. В Библии слово «праведник» или его производные употребляются примерно 400 раз. Вот несколько цитат. Первое употребление этого слова: «Среди людей того времени один только Ной был праведен и непорочен» (Быт 6:9). Он, как говорит синодальный перевод, «ходил перед Богом». Современный перевод значительно усиливает это выражение: «его жизнь шла с Богом». Значит, праведность – полнота общения с Богом, это и сделало Ноя непорочным.

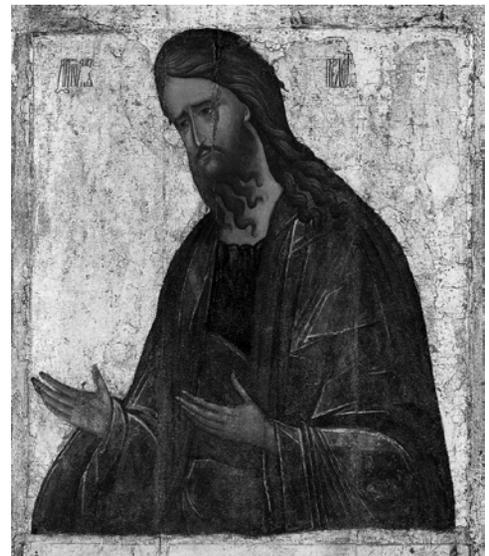
Следующий по времени, кого называет праведником Писание (правда, уже в Новом завете, 2 Пет 2:7), – Лот. Помните знаменитый спор Авраама с Богом: если будет 50 праведников, то Ты ведь не погубишь город? Не погублю. А 40, а 30? А 10? И на этом Бог останавливает разговор.

Святой праведный Алексей Мечёв
и святой праведный Иоанн Кронштадтский

Св. Иоанн Предтеча исполнен мира, любви и царственного покоя

Во взгляде святителя Николая прочитывается тревога, скрытая скорбь, может быть, даже укор. Это значит, что праведник и в Царстве Небесном может пребывать не только в состоянии полноты благодати и абсолютной внутренней гармонии. Он тревожится о живущих в этом мире, сострадает им, наставляет их

Св. Иоанн Предтеча

Его последнее обещание: «Не погублю города ради десяти» (Быт 18:23–33). Но праведным там оказался только один человек. Понятно, что не так трудно быть праведным относительно жителей Содомы – достаточно просто не подражать им. Но всё же он готов был пожертвовать дочерьми ради незнакомых ему пришельцев, лишь бы не допустить надругательства над ними – а это уже поступок сильно выше среднего уровня.

***

Дальше образ праведника рисуется в Писании (прежде всего в Псалтири и Притчах) удивительно широко. Праведник «веселится о Господе», «цветёт как пальма», «ненавидит ложное слово», «смел, как лев»... Вот очень утешительная формула: «ест до сытости». 😊 Есть лучше: «милует и даёт». Но самым сильным оказалось знаменитое пророческое слово: «Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на себе понесёт» (Ис 53:11) – это, конечно, о Христе. Если же обратиться к тексту Нового завета, то можно ограничиться одной цитатой из Евангелия – о том, как Господь на Страшном суде призовет в Своё Царство тех, кто Его накормил, напоил и т. д. «Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф 25:31–40). Здесь значение слова «праведник» непривычно: это человек, который всё время «милует и даёт», но меньшим, и не думает при этом ни о себе, ни о праведности своего поступка...

Каким же будет такой человек на иконе или на картине? Кажется, что примеров море. Показать иконы святых и самые «положительные» лица на картинах – вот и всё. Но такой путь показался мне слишком широким, по нему нам ходить не заповедано. Поэтому выбор был долгим и трудным. Критерием стало «лица (и лика) необщее выраженье». Давайте посмотрим на несколько таких икон и картин.

У этой иконы Иоанна Крестителя, относящейся к рублёвскому времени (первая треть XV в.), старые, опытные сотрудники музея имени Андрея Рублёва держали экскурсию, только что вошедшую в зал, до получаса. Они не рассказывали подробно историю Иоанна, но давали яркий набор определений: отшельник, аскет, пророк, мученик. А потом просили зрителей соотнести то, что услышали, с ликом на иконе. Этот человек – он такой? И зрители сразу затихали, потому что видели перед собой не страдальца или борца с плотью, а умиротворённого, мудрого, свободного и, одновременно, чистого и прекрасного человека, «мужа совершенного». Почему он так преобразился, ведь по жизнеописанию мы представляли его себе совсем другим? Потому что Креститель теперь видит Христа «как Он есть», в Его славе (икона «Христос Вседержитель» стояла в иконостасе вплотную к этой слева и входила в «деисис» – чин, в котором святые с двух сторон склоняются перед Христом). И он уже не задаёт вопроса, как когда-то: «Ты – Мессия, или нам ждать другого?» Он духовно прозрел и от этого сам стал подобным Христу... Группа от долгого лицезрения такой иконы тоже в определённой степени «прозревала» и получала, пусть на время, способность что-то главное видеть во всех иконах.

Показателен один эпизод конца 1970-х гг., связанный с этим образом Предтечи. Я вёл экскурсию для молодых людей с Западной Украины, из Львовской области – там верующих было большинство. Мы подошли к иконе, я рассказал о ней, группа с почтительным интересом всё выслушала и пошла за мной к следующему экспонату. Вижу: одна девушка осталась, стоит и что-то шепчет. Я подумал: наверное, молится. Подхожу к ней и слышу: «Если бы я встретила такого парня...» Можно, конечно, посмеяться, но готовность выбрать в спутники жизни очевидного праведника, «земного ангела и небесного человека», о многом говорит. Не стоит забывать: «...кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника» (Мф 10:41)...

Сравним теперь иконописные изображения одного из самых почитаемых в православии святых – святителя и чудотворца Николая, праведника, которого тропарь называет

Свт. Николай. Фреска. Феропонтов монастырь, нач.XVI в.

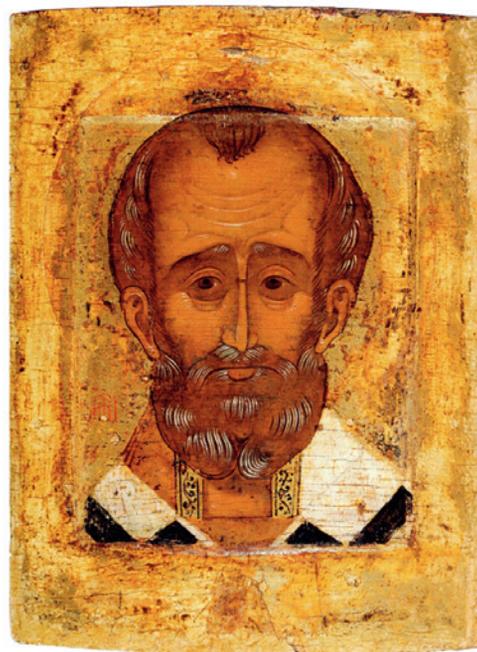
«правилом веры и образом кротости, учителем воздержания». «Правило», т. е. образец, веры – это о его противостоянии еретику Арию (с ним он боролся, судя по житию, весьма решительно). А «образ кротости» – наоборот, представление о его внешнем виде. Но оба изображения показывают нам святителя несколько отличающимся от такого представления о нём.

Этот фресковый образ написан Дионисием в Феропонтове монастыре в самом начале XVI века. Он расположен в апсиде дьяконника, на её изогнутой внутренней поверхности. Поэтому получается, что святитель Николай как будто обнимает каждого входящего, несмотря на то, что его пальцы подняты при этом в традиционном жесте благословения, а в левой руке он, тоже традиционно, держит Евангелие. Удивителен его лик: строгий, одухотворённый, возвышенно прекрасный. Возраст не накладывает на него никакого отпечатка, волосы и борода – не седые, а как будто светящиеся. Но нельзя не заметить, что если на предшествующей иконе св. Иоанн Предтеча был исполнен мира, любви и царственного покоя, то в облике святителя на фреске ощущается некоторая напряжённая нота. Здесь нельзя употреблять психологические характеристики, потому что это икона, показывающая состояние вышеестественное, однако эмоциональный акцент в ней, несомненно, присутствует. Во взгляде святителя прочитывается тревога, скрытая скорбь, может быть, даже укор. Это значит, что праведник и в Царстве Небесном может пребывать не только в состоянии полноты благодати и абсолютной внутренней гармонии. Он тревожится о живущих в этом мире, страдает им, наставляет их...

Но это далеко не всё, что может показать нам облик праведника – причём, что важно, того же самого! Вот небольшая икона святителя Николая, написанная всего на 20–30 лет позже фрески Дионисия. Она малоизвестна, потому что находится в частном собрании. Несмотря на огромное количество самых разных сохранившихся образов «Никола Чудотворца», она отличается от них очень сильно. Иконописный канон в ней полностью сохранён. Однако неизвестный русский иконописец поставил, по сравнению со знаменитым

Дионисием, совсем другие смысловые и художественные акценты. В лике святого подчёркнута удивительная доброта, открытость. А ещё – внутренне ощущается (да и воочию видна) его улыбка! Святитель всё видит, всё понимает и при этом светится не только духовным, но и душевным теплом и внутренней радостью, готовностью помочь. Как здесь не вспомнить сценку из его жития, согласно которой он прямо в своих архиерейских ризах полез в грязь, чтобы вытащить завязшую телегу мужика...

А вот изображение человека, предстоящего Богу в молитве, как и Предтеча, но в состоянии, далёком от умиротворения. Взгляд его по-детски открыт, доверчив. И в то же время в лике – и печаль, и тревога, и трепетная мольба о помиловании. Наверное, все уже заметили отсутствие сияю-

Святитель Николай. Икона 1530–1540 гг.

Царь Фёдор Иоаннович (парсуна)

щего нимба вокруг его головы? Это не утрата от времени. Нимба не было не случайно. Ведь это не икона (хотя изображение написано иконописными средствами), а «парсуна», буквально – «персона», портрет. Такие портреты не писались при жизни. Перед нами посмертный, вероятнее всего – надгробный образ, подобный известным древнегипетским «фаюмским портретам». Эта парсуна относится к началу XVII в., на ней изображён царь Фёдор Иоаннович (ум. 1598 г.), сын Ивана Грозного.

Подобные парсуны обычно считают переходной ступенью к светскому портрету. На самом деле они интересны как раз обратным: направленностью от обычного лица к «лику», к иконе, но с максимально возможным сохранением в условном изображении естественных черт лица и характера изображённого человека. Оценка жизни и правления царя Фёдора противоречивы, но в народной и церковной памяти он остался праведником – кротким, боголюбивым и человеколюбивым правителем, ничем не похожим на своего страшного отца.

А вот и настоящий светский портрет. Он написан почти через два столетия после парсуны, совсем в другой манере, технике, с другими целями. Его автор – один из выдающихся русских художников второй половины XIX в. Илья Репин, и заказчик портрета ему позировал. Это Павел Михайлович Третьяков, купец, владелец нескольких фабрик и магазинов. А ещё – основатель знаменитой художественной галереи, которая теперь носит его имя.

Но Репин показывает нам Третьякова не властным и энергичным хозяином, не снисходительным и изысканным меценатом, а человеком «не от мира сего», полностью погружённым в свой внутренний мир. Он подчёркивает это и ракурсом (Третьяков изображён почти в профиль), и жестом (правая рука прижата к груди), и отрешённым выражением лица, и общей строгостью облика, редко свойственной персонажам этого художника. На первый план выходит не реальная деловитость и тонкий вкус портретируемого, а его духовная глубина. И ещё – кажется, что он скрывает от зрителя какую-то печальную тайну, как будто предчувствует скорую смерть любимого маленького сына – наследника...

Таким увидел и воплотил Репин образ одного из тех,

И.Е. Репин. Портрет П.М. Третьякова. 1883 г.

кого без натяжки можно назвать «светским праведником». О своих рабочих и сотрудниках Третьяков по-настоящему заботился, сам жил достаточно скромно. Много любви и внимания уделял семье – жене и шести детям, обручальное кольцо на его руке выделено художником не случайно. Был, действительно, несколько замкнут и молчалив (домашние за глаза называли его «архимандритом»). Показательная деталь: в своём приходском храме свт. Николая в Толмачах во время службы стоял, прячась за выступ стены. Его завещание – просто поэма милосердия: он не забыл никого. А своё главное сокровище – галерею – подарил Москве ещё при жизни. Ведь целью его собирательства было не собственное удовольствие или «вложение капитала». Вот его слова: «Моя идея была, с самых юных лет, наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях; мысль эта не покидала меня никогда во всю жизнь».

Что у него и получилось. Кроме того, он стал коммерции советником, почётным гражданином Москвы, весьма состоятельным, всеми уважаемым человеком. В области живописи его авторитет был также чрезвычайно высок: ведущие художники России считали за честь приобретение их картин для Третьяковской галереи. И все же лучшим его изображением остается этот портрет «праведника печального образа»... **КФ**

Путешествие к Святому граду

Борис Колымагин

Андрей Муравьев

Среди русских писателей, посетивших Святую землю и оставивших воспоминания о своём путешествии, имя Андрея Николаевича Муравьева стоит в первом ряду. Его паломничество к святым местам в 1830 году задаёт алгоритм последующих поездок образованных путешественников – учёных, писателей, религиозных деятелей.

Карьера Муравьева началась с работы в Коллегии иностранных дел (1822–1823). Вскоре он пошёл на военную службу. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 годов Муравьев служит чиновником по дипломатической части при штабе 2-й армии. Находясь в Адрианополе¹, писатель постоянно видит смерть. Перемирие уже заключено, но в войске свирепствуют болезни, уносящие тысячи жизней. В этих-то обстоятельствах Муравьев думает о том, чтобы вернуться в Россию через Палестину.

Проходит полтора месяца, и вот разрешение получено, все необходимые бумаги выправлены. И наш богомolec

отправляется в путь. К Рождеству 1830 года он оказывается в столице Османской империи – Стамбуле, где ему удаётся получить султанский фирман, облегчающий трудности дороги. Затем садится на корабль и направляется в Александрию. Писатель посещает Каир, развалины Мемфиса и Фив. Дважды встречается с египетским пашой Мухаммедом Али, который им просто очарован. Из Египта Муравьев выехал через Синайскую пустыню с караваном верблюдов в Палестину. Через Газу и Раму он едет в Иерусалим.

Путь этот, надо сказать, был сопряжён с риском для жизни и со значительными финансовыми затратами. Власти тщательно вели учёт паломников и изощрённо собирали с них пошлины. Если странники не были ограждены султанским фирманом, арабские шейхи брали с них дань за проезд. Нередко бедуины и горцы совершали набеги и грабили паломнические караваны. В Иерусалиме богомольцы должны были внести определённую сумму за проживание и питание в Иерусалимскую патриархию. За поминание родственников на Гробе Господнем бралась дополнительная плата. При посещении святых мест арабы-мусульмане неизменно требовали бакшиш, то есть денежной подачки, поскольку являлись хранителями святыни. Путешествовали паломники группами в сопровождении полицейского – драгомана – и вооружённой охраны. Арабское население держало в своих руках перевозку паломников, поставляя верховых животных. Оно снабжало их продуктами и занималось изготовлением на продажу крестиков, чётков, свечей.

Муравьев по пути в Иерусалим остановился в греческом монастыре в Раме. Его гостеприимно встретили, накормили и завели разговор о русско-турецкой войне. Спрашивали между прочим: освобождён ли русскими войсками Иерусалим? Похоже, палестинские христиане мыслили в рамках региональной географии, и Балканы в их представлении находились где-то рядом со Святым градом.

Итак, наш богомolec приближается к Святому граду: «Он вдруг, как бы из-под земли, является смятенным глазам на скате горы... Весь и внезапно восстаёт он в полной красе обновлённых стен своих и башен, во всём величии Ветхого Завета, издали – несокрушённый, как бы ещё в ожидании Нового... Гора Элеонская в ярких лучах вечера и пустыня Мертвого моря в туманах ограничивали за ним священный горизонт. И я стоял в безмолвном восторге, теряясь в ужасе воспоминаний! Ещё не успел я выйти из сего оцепенения, когда увидел себя близ самых ворот Яффских у крепости Давида – так близко расстояние от Поклонной горы до стен»².

Благодаря Муравьеву начинают налаживаться постоянные контакты между Российской православной церковью и восточными православными церквями. Восточные православные иерархи начинают воспринимать писателя как своего представителя в Петербурге...

Муравьев прибыл в Иерусалим 23 марта 1830 года, в пятую неделю Великого поста. В то время в Палестине, по словам писателя, было не более 18 русских. Одних застала война с Турцией, и они не смогли уехать на родину, другие бежали из турецкого плена и пробрались в Иерусалим, где жили при патриархии.

Русские богомольцы вместе с греческим духовенством встретили Муравьева торжественным хором. Оказывается, о приезде писателя было известно заранее. Весь Иерусалим наполнился слухами, что Муравьев – начальник русского отряда. И вслед за ним придут 10 000 русских. Кадий паша встревожился появлением русского паломника и попросил его показать султанский фирман. С документами было всё в порядке, однако власти предприняли некоторые превентивные меры. Например, не дали под благовидным предлогом Муравьеву осмотреть укрепления города.

Никто не принимал всерьёз слова Муравьева, что он приехал в качестве простого богомольца поклониться христианским святыням. В его лице видели посланца России. Ему открылись многие двери. Он имел возможность беседовать с государственными и церковными деятелями. Перед отъездом из Иерусалима он получил в благословение от Иерусалимской патриархии крест с частицей Животворящего Древа. Муравьев реально осознал себя, по его личному уверению, «рыцарем Святого Гроба». Благодаря Муравьеву начинают налаживаться постоянные контакты между Российской православной церковью и восточными православными церквями. Восточные православные иерархи начинают воспринимать писателя как своего представителя в Петербурге, через которого можно устанавливать нужные контакты. В глазах российских чиновников он тоже начинает восприниматься в качестве эксперта. Так, в двух главных организациях, от которых зависели связи России с православным Востоком, для МИДа и Св. Синода, Муравьев становится одним из главных авторитетов в Восточном вопросе.

Но это произойдёт позже. А пока Муравьев делает первые шаги по Святому граду. В Иерусалимской патриархии он знакомится с иноком Анфимом, значительной фигурой тогдашней церковной жизни. Духовенство по обычаю угощает паломника «кофием и сладями, много расспрашивая об условиях мира Адрианопольского».

В то время руководство Иерусалимской патриархией на месте осуществляли два наместника. Они – в сане митрополитов – посылали монахов для сбора пожертвований. А патриарх жил в Константинополе и оказывал своей церкви политическую поддержку.

Из светских деятелей, с которыми знакомится писатель, стоит обратить внимание на мусселима – градоначальника Иерусалима. «Мусселим принял меня во всём блеске своего

двора. Абхазинец родом из окрестностей Сухум-кале, проданный ещё в младенчестве в неволю, он достиг постепенно при паше Дамаском до сего сана. Много расспрашивал он меня о Грузии», – записывает Муравьев.

Гость между прочим сообщил мусселиму, что Сухум-кале вошёл в состав Российской империи, чем привёл его в изумление.

Интересно, что Муравьев, не в пример некоторым современникам «ревнителям», благожелательно относился к католикам и поспешил воспользоваться их услугами. Вскоре по прибытии в Иерусалим он посетил латинский монастырь, где представил настоятелю письмо своего знакомого из Константинополя. Монастырь содержал за свой счёт христианского гида арабского происхождения. Этот гид сопровождал писателя во время его странствий. В храме Воскресения Христова Муравьев хочет поклониться богатырскому праху двух королей, Готфрида Бульонского и его брата Балдуина Первого, освободивших Иерусалим от неверных. Но после пожара 1808 года кости их оказались утраченными, осталось лишь место их захоронения.

Популярный труд французского медиевиста Ж.-Ф. Мишо и переведённая на русский язык ещё во второй половине XVIII в. поэма Торквато Тассо (XVI в.) «Освобождённый Иерусалим» придают крестовым походам в воображении нашего богомольца ореол славы.

Писателя интересуют следы рыцарства в Палестине. С нескрываемым пиететом описывает он руины монастыря рыцарей ордена госпитальеров: «Понятна сердцу громкая их слава, не умолкающая и в пустоте развалин. Так рано привыкает юное воображение следовать за ними в поприще их битв и встречать вооружённые лики витязей во мраке их оставленных жилищ, что каждый обломок башни, дворца или келии, им принадлежавших, родственным чувством уже тревожит грудь, перенося на миг всё бытие странника в их дальний век и край». Муравьев говорит «о тех нетленных венцах, которые срывали рыцари странноприимною рукою в боях и больницах, и каждое славное имя, и каждый родовой их герб готовы напечатлеться на сердце, как бы на собственном щите их».

При посещении Назарета он обращает внимание на то, что две трети городского населения составляют христиане-католики. И потому католическое духовенство пользуется обширными правами. Даже может свободно совершать крестные ходы по улицам в полном облачении. «Должно отдать полную справедливость Римской церкви в её высоком рвении распространять христианство на Востоке», – отмечает писатель.

Центральный момент пребывания Муравьева в Иерусалиме связан с посещением храма Воскресения, который, напомним, называется также храмом Гроба Господня. Дорога

к нему лежит по Via Dolorosa, по легендарному пути Христа к месту распятия.

Муравьёв идёт по дороге скорби и с горечью отмечает, что дикий араб быстро несётся по крестной стезе на бурном коне своём, клубами подымая за собой священный прах её, что «беспечный христианин равнодушно протекает вниз и вверх великую стезю сию». Увы, всё изгладилось, всё изменилось в Иерусалиме. В Претории мусселим держит своих коней, и ему дела нет до того, какого узника допрашивал здесь прокуратор Иудеи.

Но вот, наконец, дорога заканчивается. «Мне открыли храм Воскресения. Минувя все его святыни, я устремился прямо к дивному Гробу. От самой Гефсимании всё более и более потрясаемый священными предметами и, наконец, крестною стезею достигнув до великой могилы, я в невыразимом волнении духа простёрся на её мрамор».

«Слёзы умиления и благодарности полились из глаз» Муравьёва. «Но они обратились в горькие слёзы», когда писатель вспомнил бесславное положение Святого Града, распри христиан и высокомерие магометан.

Это высокомерие наш богомалец видит в том, как «неверные» сидят с трубками в преддверии святыни. Его ранит сам факт, что ключи от храма Воскресения находятся в руках последователей ислама и за то, чтобы войти внутрь, приходится платить им.

Увы, со времён султана Саладина участок земли, на котором стоит храм, принадлежит двум мусульманским семьям. До сих пор каждое утро кто-нибудь из мужчин – членов этих семей – отпирает ворота храма, а на ночь запирает ворота и уносит ключи к себе домой.

Турецкие власти не позволяли ничего переделывать ни внутри, ни снаружи, хотя внешний вид храма являл грустное зрелище. По словам Муравьёва, когда паломник подходит к нему, «как странно разочаровывает его взоры нелепая громада зданий, пристроенных к храму и со всех сторон обезобразивших наружность его до такой степени, что по одному только входу можно отличить оный от прочей груды строений».

Из-за постоянного наезда светских властей на Иерусалимскую церковь многие церковные украшения остаются под спудом: «Неугасимые огни горят на Голгофе и Гробе, но в жестяных лампадах. Благочестивые дары царей утаены от жадности арабской и уже большей частью перешли в руки мусульман, ибо в последние десятилетия нищета и гонения принудили духовенство отдавать в залог самые утвари церковные и даже обращать их иногда в слитки золота и серебра для уплаты дани».

Муравьёв провел внутри храма всю Страстную неделю: пришёл в Страстную понедельник и вышел после пасхального богослужения, причастившись. И всё это время он молился вместе с монахами, внимательно осматривал святыни, размышлял. «Падение всего человечества, его искупление и грядущая жизнь – вот три необъятные бездны, в пространстве коих носится смятенная мысль, падая и восставая под бременем высоких впечатлений сообразно с дивною местностью храма, – пишет он. – За порогом святых врат начинается новый мир, совершенно чуждый враждебному хаосу властей тьмы, губящих всё благодатное, могущее проистекать из сей спасительной святыни. Целый мир духовный укрыт для христианина внутри могучих стен, сохранивших от буйства времён и языков самые страшные таинства нашего искупления».

Праздник Пасхи завершился «великою вечернею в патриархии, в церкви святых Константина и Елены, с крестным ходом, у нас не установленным, на память воскресения мёртвых».

На Светлой русский паломник был приглашён в гости к армянскому патриарху. Первоиерарх позвал Муравьёва в обитель апостола Иакова на праздник свт. Григория, просветителя Армении. Монастырь, пишет Муравьёв, был выстроен на том месте, где отсеки главу апостолу Иакову. Проповедь читалась на турецком языке. Копты, абиссинцы участвовали в крестном ходе армян. Трижды обошли они внутренние галереи собора. «Мы расстались с изъяснением приязни», – заключает Муравьёв.

Кроме главной святыни Иерусалима писатель увидел и другие священные места. Вот он идёт в Гефсиманию, к гробнице Богородицы. Таинственный мрак царствует над чертогом вертепа. Богатые разноцветные парчи украшают алтарь. Вот он едет по пустынным дорогам к тесному Иордану, который «мчится в обширном русле». И три раза погружается в бурный поток. Вот направляется в Эйн-Карем, расположенный в 7 км к юго-западу от Иерусалима. С этим местом евангельская традиция связывает посещение Девой Марией Своей родственницы Елисаветы (Лк 1:39–56), а также рождение в доме Захарии последнего ветхозаветного пророка – Иоанна Предтечи. Горненский русский монастырь здесь ещё не появился, и Муравьёв направился к

«Он посетил святые места как верующий, как смиренный христианин, как простодушный крестоносец, жаждущий повернуться во прах пред Гробом Христа Спасителя»

А.С. Пушкин

францисканской обители. Отсюда он спустился к источнику, куда ходила Дева Мария и рядом с которым находилась мечеть.

Из всех мест, которые описал русский богомолец, обращает на себя внимание рассказ о посещении великой лавры св. Саввы Освященного, где сохранилась «келья Иоанна Дамаскина, который посвятил Богу высокие думы свои». Насельников в обители в то время было всего 17 человек, половину из которых составляли русские. С неизъяснимым восторгом Муравьев увидел на стенах лавры «картины битв незабвенного 1812 года, утешающие русские сердца иноков». Обратил он внимание и на портрет Мазепы, «писанный масляными красками, с гербом его и латинской подписью»: «Меня поразило изображение сего гетмана в диком ущелье Палестины; но я напрасно старался узнать, по какому случаю оно там находится. Мне говорили, что Мазепа, обремененный проклятием церкви, ходил в Царьград и Иерусалим просить разрешение четырех патриархов, а в лавру св. Саввы прислал портрет свой с богатыми дарами, прося отшельников молить за спасение души его. Но Мазепа не ходил так далеко; быть может, во время своей славы, ревностный к благолепию храмов, отправил он богатые вклады в лавру, вместе с портретом, из личных видов самодлюбия»³.

Странствуя по святым местам, писатель не мог не задаться вопросом об их подлинности. Следует сказать, что известная доля скепсиса присутствует в его писаниях. Так, говоря об артефакте на дороге из Вифании, где Христос исцелил слепого, послав умыться его в купель Силоамскую, он пишет: «Как и некоторые другие места, на коих совершились дивные деяния Спасителя, оно обозначено столпою, грубо иссеченною в камне первыми христианами только для памяти и приметы. Но греки, везде желая видеть сверхъестественное, почитают след сей за отпечаток стопы Христовой». В другом случае он замечает, что в Иерусалиме показывают дерево во дворце первосвященника Анны, к которому был привязан Христос. И добавляет: «Не по преданиям евангельским». И всё-таки в главных святынях паломник не сомневается. Для Муравьева Иерусалим прежде всего место евангельских событий.

Муравьев кружит по святыням и не устает размышлять о будущем Палестины, которая «поругана» и «пленена» и в будущем должна быть освобождена, что, по словам писателя, составляет «единственную и вечную цель желаний христианского Востока». Он считает, что освобождение Гроба Господня осуществится политическим путём: «Не о крестовых битвах речь, не о новом движении Запада на Восток; дни крови миновались, настало время договоров».

Обвиняя западные правительства в «равнодушии» к судьбе Иерусалима, наш автор склоняется к тому, что только Россия, «избранная Провидением для сокрушения исламизма... может облегчить участь Святого Града».

Три недели провёл Муравьев в Святом Граде, посетил «все обители и поклонился всем святым местам». Ему оставалось пробыть в городе только три дня... «Ещё до зари, оставив спящие твердыни, одиноко поднялся я на Элеон. Там на Скале плача, где плакал Господь о Сионе, погрузился я в созерцание весеннего утра в земле, некогда обетованной». В трудные для путешественников времена Муравьев достиг Святого Гроба. Но теперь другая цель звала его – Отчизна.

«Некоторые из монахов греческих и все поклонники русские обоюдо провозжали меня за городские ворота, где со многими слезами и целованиями мы расстались». Каждый русский богомолец передал Муравьеву письма на родину.

Любопытно, что А.С. Пушкин заметил писания Муравьева. В наброске неопубликованной рецензии на его книгу он писал: «Молодой наш соотечественник привлечён туда (в Иерусалим) не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, придушенного. Он посетил святые места как верующий, как смиренный христианин, как простодушный крестоносец, жаждущий повернуться во прах пред Гробом Христа Спасителя»⁴. Кроме Пушкина на первое произведение Муравьева дали положительные отзывы воспитатель царя, патриарх русской словесности В.А. Жуковский и любимый писатель революционеров Н.Г. Чернышевский. Последний оценил это сочинение как «отчёт в благочестивых впечатлениях русского писателя, возвышающегося часто в благочестии своём до истинного красноречия»⁵.

Отметим также, что святитель Филарет Московский редактировал книгу. **КФ**

¹ Адрианополь – греческое название города Эдирне (Турция), недалеко от границы с современной Болгарией. Столица османских султанов в 1366–1453 гг.

² Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Святые места вблизи и издали: Путевые заметки русских писателей I пол. XIX в. / Сост. К. Ургузова. – М.: «Восточная литература» РАН; Школа-Пресс, 1995.

³ Иван Степанович Мазепа, гетман (правитель Украины и глава казачьего войска) в 1687–1709 гг. Подданный Польши, потом – турецкого султана, потом – русского царя, он в 1708 г. заключил со шведским королём Карлом XII союз против Петра I. В ответ на это войсками Петра были захвачены штаб и военные припасы гетмана, а митрополит Киевский предал его анафеме. После Полтавской битвы (1709) бежал вместе с Карлом XII, но три месяца спустя умер. Очевидно, что совершить паломничество в Палестину он просто не успел бы, так что предположение Муравьева близко к истине. Интересно, что на деньги гетмана в 1808 г. в Халебе (Алеппо) было издано Евангелие на арабском языке.

⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. М., 1958. Т. 7. С. 262–263.

⁵ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 16 т. М., 1939–1953. Т. 2. С. 520.

Научный журнал СФИ вошёл в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК

Появление нового рецензируемого журнала по теологии важно в связи с утверждением в России научных степеней по данной специальности, считает член Экспертного совета ВАК по теологии Юлия Балакшина

Текст: Софья Андросенко. Сайт Свято-Филаретовского института

6 июня научный журнал СФИ «Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института» был включён в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации по группе специальностей «Теология» (26.00.00).

Тематика журнала охватывает проблемы богословия, миссиологии и катехетики, литургики, библеистики, церковной истории, религиоведения и философии, этики и социологии. Каждый выпуск объединяет статьи преподавателей, выпускников и студентов института, а также специалистов из других образовательных и научных центров.

Как отметила Юлия Балакшина, учёный секретарь СФИ, член Экспертного совета ВАК по теологии, включение Научного журнала СФИ в Перечень рецензируемых научных изданий совпало с другим историческим событием – подписанием 14 июня Министерством юстиции приказа о признании в России научных степеней по теологии. Это означает, что теперь учёным, защищающим диссертации по богословию, могут присваиваться степени собственно по теологии, а не только по философии, филологии, истории и другим смежным дисциплинам, как было до этого момента, пояснила Юлия Балакшина.

Она добавила, что «совпадение двух этих событий видится неслучайным: установки министра образования и науки связаны с тем, что богословская наука в России должна, с одной стороны, вбирать опыт лучших институтов и университетов Запада, которые в течение многих лет сохраняли теологию как первенствующую научную дисциплину, а с другой стороны, должно происходить восстановление традиции богословской науки, которая существовала в России, но была прервана в советское время».

По словам Юлии Балакшиной, восстановление в России богословской школы – «задача не одного дня, и её решение требует в том числе и таких площадок обмена научной мыслью, каковой является научный журнал». «В настоящий момент в России почти не существует журналов, которые публикуют материалы собственно по этой отрасли

научных знаний, – сказала эксперт, – и поэтому появление ещё одной такой площадки чрезвычайно важно».

«Хорошо, если таких площадок будет становиться больше и они будут более разнообразными по своему облику, по своим задачам, по подходам и методологическим установкам, которые они реализуют, – сказала учёный секретарь СФИ. – Научное поле формируется в пространстве диалога, и чем больше в нашей области будет самостоятельных независимых подходов и школ, тем это, вероятно, будет для теологии более полезно и плодотворно».

Среди авторов научного журнала СФИ – доктор искусствоведения Ольга Попова; доктор исторических наук, профессор Анатолий Красиков; доктор философских наук Григорий Гутнер; доктор богословия Европейского гуманитарного университета, кандидат филологических наук поэт Ольга Седакова; заведующий кафедрой библеистики Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия кандидат филологических наук Михаил Селезнёв; кандидат исторических наук Алексей Журавский; кандидат педагогических наук Александр Копировский; доктор богословия священник Эрнст Кристоф Суттнер; крупнейший литургист архимандрит Роберт Тафт и другие.

Журнал издаётся с 2007 года, с 2014 года выходит ежеквартально. Изначально инициатива публикации альманаха лучших научных статей преподавателей и выпускников института принадлежит Ассоциации выпускников и студентов СФИ, которая материально поддерживает издание журнала до сего дня. **КФ**

Победа над плотью – не в разрушении, а в преображении

Продолжает тему праведников рассказ о схиигуменье Фамари (Марджановой) из книги А.М. Копировского «Введение во храм»

Один из портретов, написанных Павлом Кориным при работе над «Реквиемом», – портрет Тамары Марджановой, родной сестры известного режиссёра театра и кино Константина Марджанова (Марджанишвили). В монастырь, отказавшись от поступления в Петербургскую консерваторию и преодолев сопротивление родственников, Тамара ушла двадцати лет, в 1889 году. Корин запечатлел её незадолго до смерти, когда она была уже схиигуменьею Фамарью.

Это один из лучших портретов цикла. Пройдя через многолетнюю монашескую аскезу, арест, сибирскую ссылку и вернувшись оттуда с туберкулёзом, она выглядит гораздо старше своих 67 лет. Автор одной из работ советского времени о Корине утверждал, что, судя по портрету, «исступленная вера опустошила душу, выжгла всё живое...». Он увидел в лице матери Фамари только разочарование и опустошённость, причиной

которых назвал то, что вся её жизнь «была трагическим заблуждением, поиском ложных истин». Посмотрим, так ли это.

Псалмопевец говорит о праведниках: «Даже в старости они плодотивы, и сочны, и свежи» (Пс 91:15). Портрет Корина говорит о большем. Белый апостольник, покрывающий голову матушки Фамари, и мощные белые мазки, строящие форму лица, создают как будто сияние вокруг всей верхней части её фигуры. На самом же лице царствуют огромные глаза, мудрые и возвышенно-скорбные. Победа над плотью здесь не в разрушении, а в преображении её. Хрупкая, почти невесомая фигура схиигуменьи даёт ясное ощущение цельности натуры, внутренней силы – силы духа. Это не твёрдость воли, основанной на правой вере. Это обретённое через страдание состояние мира с Богом и ближними, духовное ведение. Оно позволяет не только знать всё, но и прощать... **КФ**

Схиигуменья Фамарь, в миру княжна Тамара Александровна Марджанова, родилась в 1869 году.

В 1890 году поступила в Бодбийский монастырь во имя св. Нины.

В 1902 году, после перевода игуменьи Ювеналии в Москву, стала настоятельницей Бодбийского монастыря, в котором к тому времени было около трёхсот сестёр.

В 1907 году после покушения на её жизнь была указом Синода переведена в Москву и назначена настоятельницей Покровской общины. Очень сблизилась с Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной.

По совету и с благословения старцев – о. Алексея Зосимовского, о. Анатолия Оп-

тинского и о. Товии, наместника Троице-Сергиевой Лавры, – под её руководством в 1910–1912 годах был построен Серафимо-Знаменский скит. С 1916 года духовником обители стал владыка Арсений (Жадановский) и оставался им до самой своей смерти в 1937 году.

Скит был закрыт и уничтожен большевиками в 1924 году. Матушка, десять сестёр и иеромонах Филарет (Постников) поселились в деревне Перхушково.

В 1931 году была арестована вместе с несколькими сёстрами и о. Филаретом и после приговора сослана в Сибирь, за двести вёрст от Иркутска.

В 1934 году вернулась из ссылки и поселилась в маленьком домике в дачном

посёлке около станции Пионерская Белорусской железной дороги.

Скончалась 23 июня 1936 года. Отпевал её на дому владыка Арсений (Жадановский). Похоронена в Москве на Введенском кладбище, недалеко от могилы о. Алексея Мечёва.

Невозвратно ушедшая жизнь культурных семейств России

Из доклада священника Георгия Белькинда «Братская дружба по любви к истине», прочитанного на конференции Преображенского братства «Дружеский круг как начало соборности и солидарности в России»

Любой учебник или справочник по истории русской философии, любая энциклопедия или хрестоматия скажет нам, что «братья Сергей и Евгений Трубецкие – представители философии всеединства и продолжатели дела Вл. Соловьёва». При этом мы представляем себе библиотеки и кабинеты с книгами, редакции философских журналов и университетские аудитории, а надо бы представить в первую очередь другое – подмосковную усадьбу, накрытые для чаепития столы, собравшуюся под тенью ветвистых деревьев семью с её гостями. Говорят о русской философии как о московской... Но стоит рассуждать о «подмосковной усадебной философии», потому что отделить содержание мысли от того общения, в котором оно рождалось, от той среды, в которой культивировалось, – невозможно. Не случайно гибель русского идеализма и его исчезновение в СССР были связаны с физическим уничтожением самого этого усадебного мира. Чем глубже мы проникаем в эту навсегда ушедшую жизнь культурных семейств России, тем более нас захватывает то, что можно назвать глубиной отношений. Речь идёт о братстве, о братской дружбе, примером которой является семья Трубецких.

Не так давно Альберт Васильевич Соболев издал фрагмент замечательных воспоминаний Григория Николаевича Трубецкого «Облики прошлого». Вот какой замечательный эпизод своего детства вспоминает автор:

«Когда я поступил в III класс гимназии, Мама уехала в Крым после

В усадьбе Трубецких

свадьбы, куда отправились молодые Осбргины. Я был оставлен на попечение Серёжи. Я сразу натолкнулся на грубые нравы и грубые разговоры и, возвращаясь домой, повторял иногда ужасные слова, смысл которых не понимал. Серёжа понял, что меня

надо заранее оградить от скверного влияния, и имел со мной один из тех разговоров, секрет коих он унаследовал от Мама. Он расшевелил мою детскую душу до самой её глубины. Он сумел внушить и укрепить во мне сознание святости целомудрия

Москва. Семья Трубецких празднует юбилей свадьбы родителей

и создать во мне внутреннюю броню против всех покушений в будущем на это святая святых¹.

Можно ли представить себе сейчас, чтобы старший брат так разговаривал с младшим о целомудрии и укрепил его в добродетели до такой степени, что в зрелом возрасте тот живо помнит давно прошедший разговор?

Средоточием этого семейного дружеского круга была мать – Софья Алексеевна (в девичестве Лопухина). Вот замечательное по своей выразительности фотосвидетельство: семья Трубецких празднует юбилей свадьбы родителей. Николая Петровича не сразу и разглядишь, его как-то немного задвинули на край, а в центре – мать, и вокруг неё вся семья. И это гораздо более, нежели просто материнство в его полном родовом цветении. Это духовное устройство жизни, за которым стоит подлинный подвиг.

Опять цитата из воспоминаний Григория Николаевича: «В начале 1890 года он [Сергей] выпустил первый свой большой труд “Метафизика в Древней Греции”. Печатание этого труда было большим семейным событием. Корректуры держала Мама. Её способность всецело отдаваться увлечению данной минуты сказала тут со всей силой. Мама прямо жила этой книгой, впивала в себя каждую страницу. Это были, поистине, какие-то духовные роды. Вся её жизнь была полна этим, и когда работа кончилась, для нее было тяжёлым переживанием оторваться от интереса, который всецело захватил её»².

Вот именно у такой матери и воспитался такой сын – будущий первый

выборный ректор Московского университета.

Эта пронизанная внутренней дружбой удивительная жизнь целой семьи представляется совершенно невероятным образом в документе, который ещё не публиковался. Сейчас впервые хочу представить его общему вниманию.

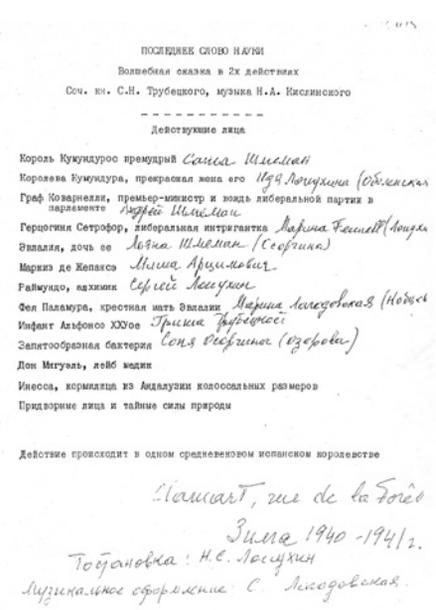
В 1886 году в помещении Дворянского собрания состоялось представление пьесы «Последнее слово науки».

Автор – тогда 24-летний князь Сергей Трубецкой, он же исполняет роль графа Коварнелли, премьер-министра и вождя либеральной партии, который вместе с герцогиней Сетрофор (её играла М. Хитрово) строит заговор против короля Кумундуруса. Начинается пьеса с того, что граф предлагает герцогине замужество, вовлекая её в заговор против монарха с помощью любовного ухаживания, а она ему говорит: «Покойный Сетрофор был мной любим до гроба // За то, что до сих пор подобной ему злобы // Я не нашла меж мёртвых и живых. // Прощайте, вы мне не жених». В ответ на это признание граф Коварнелли – тут надо живо представить себе Сергея Трубецкого – восклицает: «Какая женщина! Титан! В ней бьётся сердце Прометея!»

Но что поразительно во всей этой, казалось бы, совершенно малозначительной истории? Пьеса была воспроизведена зимой 1940/1941 г. во Франции. Те же роли, но обратите внимание

Афиша пьесы «Последнее слово науки». 1888 г.

Афиша пьесы «Последнее слово науки». 1940 г.

6 Марта 1922 г. к.ф.

Милая моя Верочка,

Я только что получил твоё письмо в день Жениной годовщины, т. е. 23 января. Не могу сказать тебе, как мне приятно, что ты не только вспоминаешь обо мне в этот день, но и хочешь поговорить со мною. Сердце сразу воодушевилось. А мы хотели в этот день тебе в мемуарном порядке написать, и все эти мысли, как и в прошлые письма тебе, я как-то совсем забыл. Ты ведь знаешь, что я читал твоё письмо, читал с большим интересом. Ты ведь знаешь, что я читал твоё письмо, читал с большим интересом. Ты ведь знаешь, что я читал твоё письмо, читал с большим интересом.

Письмо Григория Николаевича Трубецкого Вере Александровне Трубецкой. 1922 г.

на исполнителей: Саша Шмеман, Ида Лопухина (Оболенская), Андрей Шмеман, Ульяна Шмеман (Осоргина), Гриша Трубецкой, Соня Осоргина. Это Кламар, зима 1940/1941 г., оккупированная Франция, а они вспоминают Россию, вспоминают Сергея...

Сейчас трудно представить себе подобную историю, когда семья – несколько семей, несколько родов, скреплённых узами родства и дружбы в один достаточно тесный круг, – более полувека хранит это своё наследие, пусть даже в таких несколько миниатюрных или комических формах.

Здесь стоит специально отклониться от темы Трубецких, вернее, значительно расширить эту тему, чтобы дотянуться до одного очень важного факта. Много лет спустя, уже после войны, Григорий Николаевич Трубецкой приводит в своих воспоминаниях, изданных в Монреале, совершенно поразительный факт о семье Осоргиных:

«Сообщаю одну важную подробность: после воскресной обедни обычно собиралось братство святой Иулиании Осоргиной. Все члены семьи были братчиками и вместе с крестьянами обсуждали, кому и в каких размерах надо помочь».

Семья как братство!

Значительная часть рукописного и эпистолярного наследия Евгения Николаевича Трубецкого находится сейчас в Киеве. Несколько лет назад

Сейчас трудно представить себе подобную историю, когда семья – несколько семей, несколько родов, скреплённых узами родства и дружбы в один достаточно тесный круг, – более полувека хранит это своё наследие

мы приступили к исследованию этого фонда и в числе многих значимых находок обнаружили весьма примечательное письмо. Оно принадлежит перу уже упоминавшегося младшего брата наших философов. На вторую годовщину смерти Евгения, т. е. в 1922 г., Григорий пишет его вдове Вере Александровне Трубецкой удивительные по степени душевной нежности поминальные слова утешения. Этот текст тоже ещё не публиковался, так что приводим цитату впервые.

«Я только что получил твоё письмо в день Жениной годовщины, т. е. 23 января. Не могу сказать тебе, как меня трогает, что ты не только вспомнила обо мне в этот день, но и захотела поговорить со мною. Сердце сердцу весть подаёт. А мы конечно в этот день тоже были в молитвенном общении с вами, и всё это время, как я впрочем писал тебе, я как-то особенно близко чувствовал Женю, читал его Смысл жизни. Благодаря его частым курсивам, в этой книге как будто сохранилась интонация его голоса, так и слышишь его с ударениями на том, на что он хотел обратить особое внимание слушателей, так и видишь

его перед собой, когда он весь уходил в то, что его занимало». А далее Григорий Николаевич обсуждает с Верой Александровной их совместный план переиздания «Смысла жизни». Очень важно, что они замыслили, так сказать, глубокое редактирование текста: например, поскольку «Введение» слишком теоретично, то или дать его мелким курсивом или совсем убрать, а более публицистичные и легко читаемые разделы, например, I главы, наоборот – выделить для лучшего восприятия. Этот эпизод интересен для нас тем, что и для автора письма, и для его корреспондента именно братская дружба по какой-то совершенной своей самоочевидности предоставляет им такие, так сказать, редакторско-издательские права...

Полностью доклад будет опубликован в сборнике конференции «Дружеский круг как начало соборности и солидарности в России».

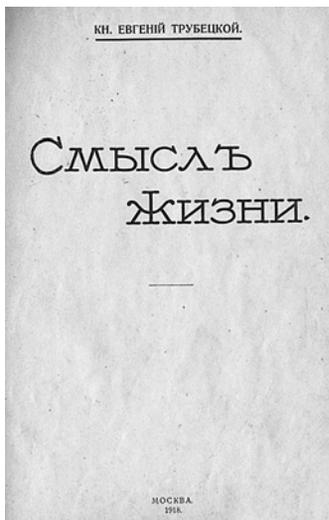
Редакция благодарит Образовательный фонд им. Сергея и Евгения Трубецких за предоставленные фотографии.

¹ История философии. М., 2014. № 19. ИФ РАН. С. 194.

² Там же. С. 200.

Князя С.Н. и Е.Н. Трубецкие. Июль 1904 г.

Из главного труда князя Е.Н. Трубецкого «Смысл жизни»

Внешним поводом настоящего труда являются мучительные переживания мировой бессмыслицы, достигшие в наши дни необычайного напряжения. Когда была написана его первая глава, катастрофа, ныне постигшая Россию, только надвигалась и была мучительным предчувствием. Слышались отдалённые

раскаты грома приближающейся грозы; но оставалась надежда, что она минует, и всё ещё казалось целым. Потом труд был прерван в самом его начале революционной бурей. Он возобновился под гром пушек московского октябрьского расстрела 1917 года. Теперь, когда он кончен, Россия лежит в развалинах; она стала очагом мирового пожара, угрожающего гибелью всемирной культуре.

Потребность ответить на вопрос о смысле жизни в такие эпохи чувствуется сильнее, чем когда-либо. Да и самый ответ при этих условиях приобретает ту выпуклость и рельефность, которая возможна только в дни определённого, резкого выявления мировых противоположностей. Где – глубочайшая скорбь, там и высшая духовная радость. Чем мучительнее ощущение царствующей кругом бессмыслицы, тем ярче и прекраснее видение того безусловного смысла, который составляет разрешение мировой трагедии.

...С тех пор, как человек начал размышлять о жизни, жизнь бессмысленная всегда представлялась ему в виде замкнутого в себе порочного круга. Это – стремление, не достигающее цели, а потому роковым образом возвращающееся к своей исходной точке и без конца повторяющееся. ...Круговращение это не есть что-то только воображаемое нами. Ад таится уже в той действительности, которую мы видим и наблюдаем, чуткие души в самой нашей повседневной жизни распознают его в его несомненных явлениях. Недаром интуиция порочного круга, лежащего в основе мирового процесса, есть пафос всякого пессимизма, религиозного и философского.

...Порочный круг каждой жизни поддерживается за счёт соседних, столь же замкнутых кругов, а дурная бесконечность жизни вообще заключается в том, что все пожирают друг друга и никогда до конца не насыщаются. Единое солнце светит всем живым существам; все им согреваются, все так или иначе воспроизводят в своей жизни солярный круг с его периодическими сменами всеобщего весеннего оживления и всеобщего зимнего умирания. Но, согреваясь вешними лучами, все оживают для взаимного истребления, все спорят из-за лучшего места под солнцем, все хотят жить, а потому все поддерживают дурную бесконечность смерти и убийства.

Чем выше мы поднимаемся в лестнице существ, тем мучительнее и соблазнительнее это созерцание всеобщей

суеты. Когда мы доходим до высшей ступени творения – человека, наша скорбь о бесконечной муке живой твари, покорившейся суете, осложняется чувством острого оскорбления и граничит с беспросветным отчаянием, потому что мы присутствуем при развенчании лучшего, что есть в мире. Утомлённый зрелищем бессмысленного прозябания мира растительного и суетного стремления жизни животной, глаз наш ищет отдыха в созерцании высшей ступени, душа хочет радоваться о человеке. Но вот и этот подъём оказывается мнимым. Высшее в мире проваливается в бездну, человек повторяет в своей жизни низшее из низкого, что есть на свете, – бессмысленное вращение мёртвого вещества, прозябание растения и всё отталкивающее, что есть в мире животном. Вот он пресмыкается, ползает, жрёт, превосходит разрушительной злобой самого кровожадного из хищников, являет собою воплощённое отрицание всего святого и в заключение умирает.

...Тут мы имеем одну из самых мучительных коллизий между присущей человеку жаждой смысла жизни и преобладающей силой царящей в мире бессмыслицы. Вера в смысл жизни неразрывно связана с верой в человека, как носителя этого смысла, в безусловное, царственное достоинство человека. И вот мы видим, что коллективная, государственная жизнь человека складывается так, что в ней для этого безусловного достоинства не остаётся места. С одной стороны, – властный призыв любви ко всякому человеку как таковому, а с другой стороны, – все народы вооружены с головы до ног для взаимного истребления.

...Биологизм, доведённый до последней, предельной своей черты, незаметно и естественно переходит в сатанизм. Когда царящее в мире зло одухотворяется, когда закон борьбы за существование утверждается не только как факт, но как норма, которой всё человеческое должно подчиняться, наша человеческая действительность становится чрезвычайно похожей на ад.

Когда мы раскрываем до конца эту интуицию мировой бессмыслицы, нас поражает в ней странная, парадоксальная черта. – Она свидетельствует о чём-то, что пребывает вне её, по ту сторону бессмыслицы; о чём-то, что в неё не вовлекается и ею не уносится. Мир бессмыслен; но я это сознаю, и постольку моё сознание свободно от этой бессмыслицы. Вся суета этого бесконечного круговращения проносится передо мною; но, поскольку я сознаю эту суету, я в ней не участвую, моё сознание противопоставляется ей как что-то другое, от неё отличное. Сознательный суету, как сознающий, стоит вне порочного круга. Если бы моя мысль вся целиком уносилась этим Гераклитовым током, она вся без остатка сторала бы в движении Иксионова колеса; она не могла бы отделиться от него, отличить его от себя и, стало быть, сознать его. Чтобы осознать суету, наша мысль должна обладать какой-то точкой опоры вне её.

...Сознательно или бессознательно я всем моим существом требую эту цель, живу надеждой на какой-то конец всякого жизненного стремления, – конец в смысле жиз-

Хотя бы мы жили в царстве смерти, хотя бы мы чувствовали всю немощь духа, бессильного одухотворить плоть, хотя бы мы ощущали всем существом этот ужас мира, оставленного Богом, всё-таки человек никогда не устанет спрашивать, где смысл, где Бог

ненной полноты. И созерцаемая мною суета мучительна для меня по сравнению с этим концом, которого я тщетно ищу. Мучителен тут обман, мучительно разочарование. Но разочарование было бы невозможно, если бы в тайниках моей души в подсознательной её глубине не жило какое-то мне самому неведомое очарование, чаяние цели, конца и смысла. И, только сопоставляя действительность с этим смыслом, я могу испытывать страдание и тоску. – Как человеческое ухо не слышит фальши, если оно не чувствует гармонии, так и мысль наша не могла бы сознавать бессмыслицу, если бы она не была озарена каким-то смыслом.

...От человека, завершающего доступную нашему наблюдению лестницу существ, мы ждём дальнейшего откровения этого смысла, дальнейшего подъёма в другой план бытия. Мы чувствуем эту его принадлежность к другому плану: иначе как могло бы его сознание возвышаться над здешним планом существования! Но в человеке всё борется, всё двоится. И та духовная мука, которую мы испытываем, есть именно выражение этого рокового раздвоения, – этого спора смысла и бессмыслицы в человеке и о человеке. С одной стороны, духовное рабство, провал всемирной культуры, бездна падения человека и человечества, а с другой стороны, властный призыв к иной, лучшей жизни, стыд за себя и за других и тот беспощадный суд совести, который свидетельствует, что есть в человеке что-то, что возвышается над его падением, – есть неистребимое влечение к смыслу вопреки преобладающей силе бессмыслицы.

Совесть о должном, восстающая против суеты и возмущающаяся унижением человеческого достоинства, – вот новое, яркое проявление того присущего нам сознания жизненного смысла, которое не уносится потоком бес-

смысленной жизни. Это – сознание о какой-то безусловной правде, которая должна осуществляться в жизни вопреки царствующей в ней неправде.

...Всякому понятно, что этот вопрос о всеильном и всепобеждающем смысле есть вопрос о Боге. – Бог как жизненная полнота и есть основное предположение всякой жизни. Это и есть то, ради чего стоит жить и без чего жизнь не имела бы цены. И хотя бы предположение это опровергалось повседневным опытом, хотя бы мы на каждом шагу встречали яркие доказательства бессмыслия и безбожия вселенной, всё-таки в последней инстанции то предположение смысла, на котором утверждается вся наша жизнь, никакими доказательствами опровергнуто быть не может. Хотя бы мы жили в царстве смерти, хотя бы мы чувствовали всю немощь духа, бессильного одухотворить плоть, хотя бы мы ощущали всем существом этот ужас мира, оставленного Богом, всё-таки человек никогда не устанет спрашивать, где смысл, где Бог. – И он будет искать того высшего Богоявления, которое одно может окончательно опровергнуть бессмыслицу жизни. Пока жив человек, это искание не умрёт, ибо в самой основе его жизни есть неотразимая очевидность смысла вопреки свидетельству опыта о бессмыслице.

Верить в эту очевидность – именно и значит верить в победу жизни над величайшей мукой, верить в упразднение смерти, иначе говоря, – в преображение самого креста из пути смерти в путь жизни. Изю всех религий одно христианство даёт и утверждает положительное решение этой задачи; оно одно даёт, стало быть, положительное решение вопроса о смысле жизни. **КФ**

Князя Сергей Николаевич (1862–1905) и Евгений Николаевич (1863–1920) Трубецкие – русские философы, публицисты, общественные деятели. В 1879 году оба брата, воспитанные глубоко верующей матерью, пережили острый религиозный кризис. Этот кризис они преодолели довольно быстро благодаря книге Куно Фишера «История новой философии» из гимназической библиотеки, чтение которой положило начало серьёзному изучению ими философии. В 1881 году братья Трубецкие поступили на юридический факультет Московского университета.

Евгений Трубецкой по окончании университета поступил в качестве вольноопределяющегося в стоявший в Калуге Киевский гренадерский полк, в сентябре сдал офицерские экзамены, а в апреле 1886 года получил в Демидовском лицее звание приват-доцента. С 1906 года – профессор энциклопедии и истории философии права в Московском университете. Один из учредителей Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва.

Первоначально был одним из видных членов и основателей кадетской партии, но затем вышел из неё и стал одним из создателей Партии мирного обновления, влившейся позже в партию прогрессистов. В 1907–1908 и в 1915–1917 годах – член Государственного совета. В 1917–1918 годах принимал участие в работе Всероссийского Поместного собора в качестве товарища (помощника) Председателя. Попав вместе с отступавшей Белой армией в Новороссийск, заболел сыпным тифом и умер 23 января 1920 года.

Сергей Трубецкой был оставлен на кафедре философии для подготовки к профессорскому званию. Через 15 лет он читал в Университете почти все историко-философские курсы: философию Отцов Церкви, историю древней философии, историю новейшей философии, историю христианской мысли в первые века, философию Платона и Аристотеля. После введения в августе 1905 года Временных правил об управлении высшими учебными заведениями, Совет университета 2 сентября избрал ректором 43-летнего князя С.Н. Трубецкого. Но это не остановило студенческих волнений, и 22 сентября либеральный ректор принял решение закрыть университет, чем ещё более накалил обстановку в студенческой среде. Правда, в результате радикалы оказались лишены площадки для своих собраний, которой пользовались под защитой университетской автономии. 29 сентября 1905 года на приёме у министра народного просвещения у Трубецкого произошло кровоизлияние в мозг, от которого он скончался.

Июль 1917: на пути к эфемерной диктатуре

Текст: Александра Колымагина

В предыдущем номере мы рассказывали о последнем, «июньском», наступлении русской армии, а в этом расскажем о событиях, которые называются «июльским кризисом»; однако и те, и другие события вовсе не были отделены друг от друга хронологически, а разворачивались параллельно. У нас даже возникло искушение поместить обе публикации в одном номере, чтобы можно было, перевернув несколько страниц, сопоставить то, что происходило одновременно. Однако мы решили пожалеть читателей и в то же время отнестись к ним с доверием: ведь большинство наверняка хорошо помнит совсем свежую публикацию июньского номера.

Как всегда, мы будем опираться прежде всего на «Красное Колесо». «Как же так? – может возразить кто-то. – Ведь роман заканчивается “Апрелем Семнадцатого”». И здесь мне хотелось бы рассказать о сравнительно небольшой по объёму части «Красного Колеса», которую автор скромно называет «конспектом» и о которой говорит так: «Много лет назад эта книга (1914–1922) была задумана в двадцати Узлах, каждый по тому. В ходе непрерывной работы с 1969 <года> материал продиктовал иначе. Центр тяжести сместился на Февральскую революцию. Уже и “Апрель Семнадцатого” выявляет вполне ясную картину обречённости февральского режима... Но для тех последующих Узлов я всё же представляю читателю конспект главных событий, которых нельзя бы обминуть, если писать развёрнуто».

Достаточно поискать (как это сделает в наше время, решив узнать о том или ином событии, каждый «не-профессиональный-историк») информацию о том или ином событии 1917 года в интернете и сравнить полученный набор с солженицынским конспектом (эта часть эпопеи называется «На обрыве повествования»), чтобы понять, сколько труда вложено в эти, казалось бы, краткие главы. И самое главное – этот текст, кажущийся по форме оглавлением разделов учебника истории, остаётся вполне художественным. При внимательном чтении он делает то же, что и роман: вводит читателя в самую атмосферу происходившего.

Июньская «артподготовка» большевиков

Большевики – как все, конечно, помнят, – «опоздали к раздаче» в феврале. Ленин приехал в Петроград только вечером 3 апреля (как и в прошлых номерах, все даты приводятся по старому стилю. – Ред.). Тем не менее уже в дни апрельского кризиса именно подогретая большевиками «красная гвардия» устроила стрельбу, приведшую к челове-

ческим жертвам. Большевиков тогда практически никто не посмел обвинить: социалисты видели в них пусть и радикалов, но всё-таки «своих», либеральная пресса уже хорошо знала, что при попытке сказать решительное слово против «советских» на типографию могут напасть, набор – рассыпать, работников настроить против издания.

И вот не прошло и двух месяцев, как история чуть не повторилась (и если в апреле был пусть достаточно дискуссионный, но повод к демонстрациям – пресловутая «нота Милюкова», то теперь его не было вовсе). Вот как развивались события:

«Съезд Советов, уже неделю заседающий в Таврическом¹, потерял темп и спутан коалицией с Временным правительством; а большевицкая агитация так успешна в петроградском гарнизоне (не желающем ехать на фронт) и на заводах – что теперь, несравнимо с апрелем, созрел момент для пробы сил. “Мирные демонстрации – дело прошлого”, иначе солдаты могут уйти из-под влияния партии, их негодование завязнет. Агитировать: в “Декларации прав солдата” отменить оговорки об исполнении боевых приказов и дисциплине в строю, это ведёт к бесправию солдат. Тайком от Съезда подготовить и вывести 10 июня вооружённые массы на улицы, двинуть к Мариинскому; вызвать

министров для объяснений и, в раскалённой обстановке, арестовать при толпе. Лозунги “Долой 10 министров-капиталистов”², “Вся власть Советам”, давить на Съезд, а при благоприятном повороте – брать власть самим... немедленно объявляем мир, заводы – рабочим, земля – крестьянам, и террор против буржуазии... ЦК большевиков одобрил план. Тактика: листовки с вызовом на демонстрацию готовить тайно, развешивать в казармах и на заводах к концу дня 9 июня»³.

Итак, то, что произошло в начале июля и о чём мы и будем рассказывать в этой статье, могло случиться на месяц раньше. Но не вышло: руководители съезда советов (большевики среди них не было, в основном это были меньшевики и эсеры) вечером 9 июня узнали об этих планах. «Воззвание Съезда к населению: не выходить на улицы 10-го! Требовать отмены от большевиков, угрожать исключением их из Съезда, из революционной демократии. Ночью и утром делегаты Съезда ездят по казармам и полкам отговаривать от демонстрации, встречают враждебность: “рассчитаться с соглашателями!”, “будем резать буржуев!”, солдаты-запасники доведены до иступления; 1-й пулемётный полк: “Мы кровопролития не боимся!” Слух, что Кронштадт подготовил суда перебросить 20 тыс. матросов в Петроград. Паническое настроение Съезда. – Полночи Луначарский выговаривает у Съезда оттяжку для решения ЦК большевиков. – После полуночи ЦК решается отменить всю демонстрацию. В части отпечатанной “Правды” уже воззвание к ней, в другой части тиража – отмена. – Полки гарнизона и красная гвардия: “Мы подчинились не Съезду, а своему ЦК”».

Председательствовавший на съезде меньшевик князь Ираклий Церетели (проведший 10 лет в тюрьме и ссылке за политическую деятельность и только после февральских событий вернувшийся из Сибири) предложил разоружить красную гвардию, но это предложение не было принято.

На фронте и в тылу

Мы уже не раз говорили, что в сети по-прежнему часто господствуют и первыми среди ссылок «вылезают» советские исторические схемы, восходящие к наглой пропа-

¹ Первый съезд советов проходил с 3 по 24 июня.

² Из 15 министров второго состава Временного прави-

тельства шестеро – члены социалистических партий. Капиталистом в полном смысле слова из всех членов кабинета

гандистской лжи большевиков, прежде всего Ленина. Одна из них – «провал наступления русской армии (июнь–июль 1917 г.) вызвал июльский кризис».

Между тем достаточно просто разложить события в хронологическом порядке, чтобы убедиться, что это не только не так, но что такого просто не могло быть.

Поэтому – немного хронологии

18 июня

Мирная демонстрация, устроенная всеми социалистическими партиями (для того, чтобы утешить большевиков за их отменённую вооружённую демонстрацию). Колонны забиты большевизскими лозунгами: «Долой 10 министров-капиталистов», «Долой Государственную думу», «Царя в крепость», «Вся власть Советам».

Успешное начало наступления 11-й и 7-й армии.

19 июня

Восторженные стихийные всесловные демонстрации в Петрограде. «Вечная память» поётся толпой на коленях у Исаакия. Кадетские митинги: «Наша армия возродилась! Революция спасена от анархии!»

25 июня

В успешное наступление, западнее Станиславова, пошла 8-я армия (Корнилова). Взяла 10 тыс. пленных, 100 орудий, города Галич и Калуш, продвинулась на 30 вёрст.

30 июня

В Киеве Керенский (военный министр, эсер), Терещенко (министр иностранных дел, внефракционный) и Церетели (министр почт и телеграфов, одновременно – глава Исполнительного комитета Совета, меньшевик) уступают в переговорах с Грушевским, Винниченко и Петлюрой в вопросе о широте самостоятельности Украины.

можно было назвать одного лишь министра иностранных дел, до начала мая занимавшего пост министра финансов –

миллионера Терещенко.

³ Все цитаты, если это не оговорено особо – из «Красного Колеса».

2 июля вечером

В Петрограде проходит митинг-концерт 1-го пулемётного полка⁴ в Народном доме. Троцкий и Луначарский⁵ призывают солдат к свержению Временного правительства, неповиновению военным властям. Полк обещает, что в наступление не пойдёт – крики: «Убить Керенского!»⁶ (такое же исступление в Гренадерском, Московском, Павловском батальонах и на многих заводах).

Ночь со 2 на 3 июля

Министры-кадеты⁷, уже неделями оттесняемые от важных решений группой Керенского и социалистов, в ответ на сепаратное, без них, соглашение с Радой, ночью выходят из правительства. Но весь следующий день почти никто ещё не знает о кризисе: 3 июля был понедельник, газеты в этот день не выходили.

3 июля к концу дня

1-й пулемётный полк, решивший выступить против полученного им приказа отправляться на фронт, возглавленный дезертиром Антоном Семашко⁸, движется по улицам, сперва на митинг у Кшесинской⁹; рота пулемётчиков занимает Петропавловскую крепость. Выступают с оружием Гренадерский, Московский, Павловский батальоны, 180-й полк, красная гвардия с Выборгской стороны и

⁴ Первый пулемётный полк по своей численности был практически сопоставим с дивизией – в нём проходило службу около 300 офицеров и 11 340 нижних чинов. Первоначально предполагалось, что полк, в котором пулемётчики проходили боевую подготовку, каждую неделю будет формировать и отправлять на фронт маршевую роту. Когда началось июньское наступление, Временное правительство распорядилось сразу же сформировать и отправить на фронт 30 пулемётных команд. В ответ полковой комитет за-

явил, что не отправит ни одной маршевой роты, «пока война не примет революционный характер» (что это такое, никто не понимал, но смысл был ясен: «запасным» не хотелось на фронт).

⁵ Интересная подробность: ни тот, ни другой в этот момент ещё не большевики, хотя и очень близки к их кругу. Оба – «межрайонцы». Это фракция эсдеков, занимавшая среднюю позицию между большевиками и меньшевиками и активно занимавшаяся вооружением рабочих и убийствами офицеров в февральские дни. Только

в конце июля–начале августа «межрайонцы» объединятся с большевиками.

⁶ Керенский в это время – военный министр. Во время постоянных выступлений на фронте и в тылу призывает к войне до победного конца.

⁷ К этому времени за исключением Н.В. Некрасова, которого уже с февраля лишь с натяжкой можно считать кадетом (и который не ушёл вместе с остальными), в правительстве оставалось четыре министра-кадета: министр финансов А.И. Шингарёв, министр просвещения А.А. Мануйлов,

министр государственного призрения князь Д.И. Шаховской и сменивший 19 мая прогрессиста А.И. Коновалова на посту управляющего Министерством торговли и промышленности В.А. Степанов.

⁸ Семашко входил в состав Военной организации при ЦК РСДРП(б).

⁹ Дворец Матильды Кшесинской был захвачен большевиками и во всё время от февраля до октября 1917 года оставался их «резиденцией».

¹⁰ В июле 1917 года в Таврическом располагался Центральный исполнительный

Вечером 3 июля: срочный отъезд Керенского с Варшавского вокзала, автомобили повстанцев с пулемётами не успевают его захватить

Путиловского завода. (Послано двинуть полки из Стрельны и Петергофа, поднять матросов Кронштадта.) Колонны растекаются по улицам столицы, стрельба в воздух (и в толпу, и друг в друга по ошибке), паника жителей. Автомобили всюду реквизируются для воинственной гоньбы по февральскому образцу: вооружённые пулемётами (по три и по пять на одном грузовике), винтовки наперевес или на прицел, мечутся по городу. Случайные аресты. Милиция парализована, многие милиционеры дезертируют. Вечером срочный отъезд Керенского с Варшавского вокзала, автомобили повстанцев с пулемётами не успевают его захватить.

Ночь на 4 июля

На петроградских улицах движение автомобилей и вооружённых групп, бесцельная стрельба, есть жертвы; грабежи магазинов. На совещании ЦК большевиков с участием Троцкого обсуждают вопрос: останавливать или развивать? Вся стратегия давно уставлена на переворот, а тут – и правительственный кризис, будет ли лучший момент? Принято решение: «Рекомендуется немедленное выступление рабочих и солдат, чтобы выявить свою волю». В воззвании большевиков говорится: Временное правительство распалось, нужна новая власть. Вся власть Всероссийскому Совету! Ночью Зиновьев по телефону вызывает на завтра кронштадтцев. Ленин приезжает утром с дачи в Мустамяках и всё одобряет.

Утром 4 июля

Из Кронштадта посылаются в Петроград около 7 тысяч вооружённых матросов, высаживаются у Николаевского моста в Петрограде и колонной идут к дому Кшесинской. Ленин в своей речи с балкона выступает против Временного правительства и против «социал-предателей» в Совете рабочих и солдатских депутатов, но не указывает конкретных действий, а направляет матросов к Таврическому дворцу¹⁰. Все поднявшие накануне мятеж столичные полки и заводы,

*На улицах повторяется Февраль,
но толпа не в восторге, а в ужасе*

а также полки, прибывшие из Петергофа, Ораниенбаума, Красного Села, также направляются к Таврическому с лозунгами «Долой министров-капиталистов!» «Вся власть Советам!».

Дальше в «Красном Колесе» Солженицын описывает разворачивающиеся события так: «Ленин колеблется: А может, момент и пришёл? («Питер был моментами в наших руках».) Арестовать ЦИК? брать власть сейчас? создать правительство большевиков, межрайонцев, мартовцев? И декретами о немедленном мире, земле, заводах привлечь страну? Но: нет планомерности действий, жёсткой организации; даже Петроград сейчас неуправляем. На улицах повторяется Февраль, но толпа не в восторге, а в ужасе. Стрельба «ниоткуда», стрельба в воздух и по людям. Кронштадтцы на Литейном попали под панику, залегали на мостовой, разбегались по подворотням. – А к Таврическому снование ощепиненных грузовиков, солдаты с винтовками наперевес. – Большевицкие пулемёты на перекрёстках. – Столкновение казаков с мятежными солдатами, стычки и перестрелки в разных местах, отряды не всегда отличают, кто за кого, несколько сот пострадавших за два дня, убитые лошади. – Обыски домов с грабёжом и погромы магазинов. – В эти же часы ещё побег уголовников из Крестов. – Остатки Временного правительства в безнадежности в штабе Петроградского военного округа, еле охраняемом; только с разрешения Совета рабочих и солдатских депутатов удалось вызвать на помощь войска с фронта, на завтра. Уехавший Керенский не отвечает на телеграфные вызовы вернуться в столицу».

Днём 4 июля

Министр юстиции трудовик¹¹ П.Н. Переверзев, не сумев получить согласие министров, собственным решением собирает делегатов военных частей, не участвующих в мятеже, и оглашает накопившиеся в контрразведке данные о государственной измене Ленина. Из документов следует, что большевики получают крупные суммы из тёмных германских источников. После этого у командующего Петроградского военного округа ген.-майора Половцова набираются дееспособные отряды казаков, преобразенцев, юнкеров-владимирцев, готовых давить большевицкое восстание. Он стягивает их на Дворцовую площадь к штабу, отключает телефоны особняка Кшесинской и дачи Дурново¹², гвардейские конно-артиллеристы дали несколько

комитет Совета рабочих и солдатских депутатов. (Временное правительство до июльского кризиса располагалось в Мариинском дворце; непосредственно в дни кризиса часть министров – Керенский и Некрасов – скрылись, часть перешла в штаб военного окру-

га под охрану, хотя округ в тот момент не имел военной силы даже для собственной защиты: невышедшие полки были как бы нейтральны. Некоторые министры Временного правительства, являвшиеся одновременно членами Центрального исполнительного комитета

ко выстрелов, один – в сторону дома Кшесинской, густо защищённого. Казаки погнали матросов по Марсову полю. Возникла хаотическая стрельба и паника в неуправляемой толпе у Таврического. Хлынул сильнейший ливень – он окончательно освободил дворец от окружения и разрешил движение на всех улицах. Кронштадтцы укрылись в Петропавловскую крепость, в Морской корпус, в казармы.

Ночь с 4 на 5 июля

ЦК большевиков принял решение: отбой! на этом прекратить вооружённую демонстрацию. Ленин в страхе («Теперь они нас всех перестреляют», – говорит он Троцкому).

5 июля

Временное правительство принимает решение о расформировании полков 1-го пулемётного, 176-го, Гренадерского батальона, гарнизона Петропавловской крепости за участие в вооружённом мятеже. На Дворцовой площади 1-й пулемётный полк сдаёт пулемёты (часть утаена, часть распродана). Воспрещена посылка в действующую армию «Правды» и её вариантов.

6 июля

Керенский возвращается в Петроград, требует, чтобы войска, приветствуя его, выстроились шпалерами от вокзала до Таврического; но Временное правительство смущённо отменяет это торжество; тем не менее часть уставших в эти дни верных войск вызвана Керенским для торжественной встречи.

В этот же день на фронте начинается немецкое контрнаступление. Позорное бегство русской армии.

Собственно, именно это отступление и вызвало общее разочарование. Но в Петрограде об этом событии стало известно лишь через несколько дней, да и случилось оно уже после того, как попытка восстания полностью закончилась.

Совета (например, лидер эсеров В. Чернов или глава ЦИК И. Церетели), находились в эти дни в Таврическом дворце).

¹¹ Трудовая группа («трудовики») – парламентская фракция, объединявшая беспартийных депутатов Государственной думы на

платформе незначительно более левой, чем у кадетов. После февраля 1917 года объединилась с народными социалистами (энесами) в Трудовую народно-социалистическую партию.

¹² Дача Дурново с мая 1917 г. была захвачена

Последствия кризиса

Итак, в первых числах июля (3-го – 4-го) произошёл неудавшийся мятеж, главными руководителями которого были большевики и анархисты. Одной из главных причин неудачи восстания стало обнародование данных о германских связях Ленина и о получении им через посредников крупных сумм из тёмных источников.

Одновременно случился правительственный кризис: в ночь со 2 на 3 июля из-за несогласия с политикой в отношении Украины из правительства ушли четверо министров-кадетов, 7 июля, после жёсткого давления и упреков (прежде всего со стороны министров Н.В. Некрасова¹³ и М.И. Терещенко) – как смел без согласования разгласить данные о государственной измене большевиков?? – ушёл в отставку министр юстиции Переверзев, а вслед за ним покинул правительство премьер-министр князь Львов.

Почти сразу же после неудавшегося восстания и начала правительственного кризиса (очень удачно для противника отвлекших на себя всё внимание) на фронте начиная с 6 июля происходит позорное отступление, паническое бегство армии.

Каковы же были последствия этих трёх событий?

Большевики на время (до конца августа – начала сентября) потеряли возможность открыто и напористо агитировать, многие из них скрылись. 6 июля Временным правительством была создана особая следственная комиссия для расследования восстания и привлечения виновных к ответственности. Аресту по обвинению в измене подлежали: Ленин, Луначарский, Зиновьев, Коллонтай, Козловский, Суменсон (двоюродная сестра Ганецкого – через неё к большевикам шли финансовые потоки из Германии), Семашко, Парвус, Ганецкий, Раскольников, Рошаль¹⁴. Начались стихийные аресты большевиков солдатами Петроградского гарнизона.

В то же время Петросовет фактически проигнорировал эти обвинения в государственной измене, а Центральный исполнительный комитет Совета назвал большевиков «заблуждающимися, но честными борцами». Большевики остались нетронутыми в составе советов.

Министру юстиции Переверзеву ещё в разгар беспорядков, 4 июля, запретили обнародовать в печати документы, обвиняющие Ленина и большевиков; и хотя оказавшиеся в штабе военного округа депутат II Государственной думы Алексинский и народовец-шлиссельбуржец Панкратов подписали сообщение о германских связях Ленина как своё частное письмо в газеты, поздно вечером Исполком совета остановил публикацию этого письма: нельзя позволить дискредитировать целую политическую партию! Все газеты подчинились этому требованию, и опубликовало его только малотиражное «Живое слово»¹⁵. Постепенно угасло и судебное расследование: «обвинения будут рассмотрены своєю

анархистами. Они наряду с большевиками приняли самое активное участие в июльских событиях.

¹³ Министр путей сообщения Н.В. Некрасов на следующий день стал еще и замести-

телем министра-председателя (после ухода кн. Львова премьером стал Керенский).

¹⁴ В знак своей солидарности с большевиками Троцкий сам потребовал себя арестовать и сидел вместе с больше-

социалистической комиссией, а клеветники – наказаны».

Буржуазные газеты в высказываниях о большевиках всё это время были осторожны: они боялись погрома своих редакций и типографий. Кроме того, «прогрессивные общественные круги» опасались того, что теперь «масса может перекинуться к притаившимся черносотенцам». И действительно: пока что все революции рано или поздно оканчивались реставрацией и реакцией (и так достигалось относительное равновесие), и никто ещё не знал, чем может закончиться для народа «перманентная революция»; предчувствовали это лишь немногие более или менее зрячие люди.

Правительственный кризис привёл к формированию третьего состава Временного правительства. Переговоры продолжались почти три недели – до 24 июля. В правительство вошли семь эсеров и меньшевиков, четыре кадета, два радикальных демократа и двое беспартийных. Министром-председателем стал А.Ф. Керенский. Так как во главе правительства встал социалист (эсер), Центральный исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов принял решение о признании за правительством неограниченных полномочий. Численный перевес в этом правительстве был у социалистов, но по существу оно реализовывало кадетскую программу, и кадеты вновь вернулись в правительство. Роль премьер-министра в этом составе правительства резко возросла. Это стало одной из причин того, что многочисленные ошибки Керенского на этом посту очень быстро привели к окончательному краху Временного правительства; оно так и не смогло выполнить поставленную перед собой задачу: привести страну к Учредительному собранию.

Русская армия больше ни разу не пошла в наступление. Спустя полтора месяца, 20 августа, германские войска добились нового крупного успеха на русском фронте. Они взяли Ригу, причём защищавшие город части потеряли 25 тысяч человек, 270 орудий и большое количество другого вооружения. За несколько дней до октябрьского переворота, на секретном совещании 20 октября, новый военный министр Александр Верховский заявил: «Дальше мы воевать не можем. Тяга армии к миру сейчас непреодолима. Единственное, что нам сейчас остаётся, – это заключить мир с Германией. Это даст нам возможность спасти государство от полной катастрофы». Но подобная точка зрения не получила поддержки, и он подал в отставку. Наверное, к этому времени уже никто не вспоминал о том, что меньше чем за год до этого «штормовым сигналом к революции» послужила речь, в которой царская семья обвинялась (как потом выяснилось, несправедливо) в стремлении заключить на приемлемых условиях сепаратный мир с Германией. **КФ**

виками в Крестах (вскоре его заочно примут в большевицкое ЦК). Тем временем Ленин и Зиновьев сбежали в Разлив.

¹⁵ Хотя эта газета выходила с подзаголовком «Газета внепартийных социалистов»,

она считалась консервативной (а большевики, разумеется, не простившие ей публикации, клеймили её «черносотенной» – и информация о ней до сих пор только так и преподносится в интернете).

Александр Фёдорович Керенский
(1881, Симбирск – 1970, Нью-Йорк)

С отцовской стороны предки Александра Керенского происходят из среды русского провинциального духовенства, с материнской – одновременно из русско-немецких дворян и из крепостных крестьян.

В 1899 году Александр с золотой медалью окончил Ташкентскую гимназию и поступил на юридический факультет Петербургского университета. В декабре 1904 года стал помощником присяжного поверенного Н.А. Опделя. С октября 1905 года писал статьи для революционного социалистического бюллетеня «Буревестник», который стала издавать «Организация вооружённого восстания». 23 декабря в квартире Керенского был произведён обыск, в ходе которого были найдены листовки «Организации вооружённого восстания» и револьвер, предназначавшийся для самообороны. Находился в предварительном заключении в Крестах до 5 апреля 1906 года, а затем, за недостатком улик, был освобождён и выслан с женой и годовалым сыном Олегом в Ташкент. В середине августа 1906 года вернулся в Петербург.

С октября 1906 года в качестве политического защитника участвовал в ряде крупных политических процессов: защищал крестьян, разграбивших поместья остзейских баронов, террористов из армянской партии Дашнакцютюн, был главным защитником на процессе туркестанской организации социалистов-революционеров, обвинявшихся в антиправительственных вооружённых акциях.

Был избран депутатом IV Государственной думы, с 1915 года возглавил фракцию «трудовиков». Приобрёл славу одного из лучших ораторов левых фракций.

В 1915–1917 годах – генеральный секретарь Верховного совета «Великого востока народов России» – парамасонской организации, члены-основатели которой в 1910–1912 годах вышли из ложи «Возрождение» Великого востока Франции. Кроме Керенского в эту организацию входили

«Положение России ухудшалось с каждым днём... а он убирал всех министров, чуть только замечал в них способности, грозящие подорвать его собственный престиж. Он произносил речи. Он произносил нескончаемые речи. Возникла угроза немецкого нападения на Петроград. Керенский произносил речи. Нехватка продовольствия становилась всё серьёзнее, приближалась зима, топлива не было. Керенский произносил речи. За кулисами активно действовали большевики, Ленин скрывался в Петрограде... Он произносил речи»

Сомерсет Моэм

(известный английский писатель; в 1917 г. находился в Петрограде в качестве агента британской секретной службы)

такие политические деятели, как Н.С. Чехидзе, Н.В. Некрасов, М.И. Терещенко, А.И. Коновалов, В.А. Степанов и другие.

В 1916 году Керенскому вырезали почку (в то время это была очень сложная операция); из-за этого в 1917-м он постоянно страдал от сильных болей.

В феврале 1917 года Керенский оказывается одновременно в двух противостоящих органах власти: в качестве товарища (заместителя) председателя исполкома в первом составе Петросовета и в качестве министра юстиции в первом составе Временного правительства.

На публике в это время всегда появлялся во френче военного образца, хотя сам никогда не служил в армии. Обладал незаурядным ораторским и артистическим талантом, вызывал у слушателей доверие и даже восхищение (ближе к октябрю это случалось меньше и реже).

После апрельского кризиса получил во втором составе Временного правительства портфель военного и морского министра, заняв место А.И. Гучкова. Практически сразу после назначения, 9 мая подписал Декларацию прав солдата, способствовавшую разложению армии.

Приложил большие усилия (в форме многочисленных выступлений перед частями) для организации июньского наступления русской армии.

В июле сменил князя Львова на посту министра-председателя, сохранив пост военного и морского министра.

19 июля назначил нового Верховного главнокомандующего – генерала Корнилова. В августе во время так называемого «корниловского выступления» Керенский с точки зрения наиболее патриотически и ответственно настроенных военных показал себя безответственным человеком, способным предать тех, кто ему доверился. Это сыграло свою роковую роль в октябрьские дни.

После ареста Корнилова и заключения его под стражу Керенский сконцентрировал в своих руках диктаторские полномо-

чия: к должности председателя правительства добавил должность Верховного главнокомандующего. В это же время распустил Государственную думу и объявил о провозглашении России демократической республикой, не дожидаясь созыва Учредительного собрания.

Не стал организовывать защиту Временного правительства от надвигающегося восстания большевиков, несмотря на то, что многие его предостерегали, в том числе и представители иностранных посольств; на это он до последнего момента неизменно отвечал, что у Временного правительства всё под контролем и войск в Петрограде достаточно для подавления восстания большевиков, которого он даже с нетерпением ждёт, чтобы окончательно с ними покончить. Только ночью на 25 октября им была отправлена телеграмма генералу Духонину в Ставку с требованием отправки в Петроград казачьих частей.

После захвата власти большевиками Керенский явился в Новочеркасск к генералу А.М. Каледину, но не был им принят. Конец 1917 года провёл в скитаниях по отдалённым селениям под Петроградом и Новгородом. В январе 1918 года два раза возвращался в Петроград, в начале мая – в Москву, где установил контакт с Союзом возрождения России. Когда началось выступление Чехословацкого корпуса, Союз возрождения предложил Керенскому пробраться за границу для переговоров об организации военной интервенции в Советскую Россию.

В июне 1918 года под видом сербского офицера через север России выехал за пределы бывшей Российской империи. Пытался добиться поддержки со стороны Антанты для Уфимской директории, в которой преобладали эсеры. После переворота в Омске в ноябре 1918-го, в ходе которого директория была свергнута и установлена диктатура Колчака, агитировал в Лондоне и Париже против омского правительства.

Когда Гитлер в 1940 году оккупировал Францию, уехал в США. **КФ**

«Все настроены против большевиков и ловят их даже в трамваях»

Июльский кризис глазами очевидцев

Александр Блок

4 июля. Утренние газеты вышли. Много лавок позакрывалось. К 2-м часам пешком в Зимний дворец (трамваев нет). Улица довольно пуста и спокойна. Через 2 часа после того, как я пришёл во дворец, началась стрельба залпами где-то в тылу его. Говорят, стреляли в Преображенские казармы и из окон отвечали... В 6-м часу домой – опять пешком. Встреча с Княжнинным. На улицах – кучки народа. Я заходил в кофейню на Вознесенском. Вечерняя «Биржевка» вышла. Будто бы побили на Невском кронштадтцев. Две стихии. Сейчас (пока я пишу это) на улице выстрел. По городу носятся автомобили, набитые солдатами, торчат тычки. Дворцовый слух: Петербург на осадном положении, Половцеву предоставлены все полномочия. Присяжный поверенный Гольдштейн, когда у него сегодня отобрали автомобиль, показал удостоверение Керенского на право служебных поездок. Ему сказали: «Керенский давно арестован. Вы бы ещё показали удостоверение Николая II». Один автомобиль был очень красив сегодня (маленький, несётся, огромное красное знамя, и сзади пулемёт). Много пулемётов на грузовиках. Красные плакаты. Слух швейцарихи Вари о пулемётах на крышах и о бывших городских. Я думаю о немецких деньгах. Остальное – в газетках. Утром шёл дождь, потом

наступила жара, к вечеру душно, идёт грозовая туча с молнией. ...Тоскливо как-то... Свежесть после дождя, собака кричит, полаивает, а люди – не очень громко (а когда и громко, их немного на углах). Последний слух: на Литейную выписали 20 карет скорой помощи (ночью). Солдаты будто бы готовы «подавить восстание», кроме нескольких полков. Как я устал от государства, от его бедных перспектив, от этого отбывания воинской повинности в разных видах. Неужели долго или никогда уже не вернуться к искусству?

Алексей Орешников

4 июля. Бои на фронте, где идёт наступление, продолжаются; 2 июля взяты пулемёты и более 900 австро-германцев. Всего за время наступления с 18 по 30 июня взято свыше 36 000 пленных, захвачено 93 орудия, 28 траншейных орудий, 403 пулемёта и т. д. В Петрограде началось серьёзное вооружённое восстание с выступлением частей войск, рабочих и т. д.; 4 министра (из партии кадетов), Шингарёв, Мануйлов, Шаховской и Степанов, ушли в отставку. 2 июля умер М.В. Никольский – востоковед; идейный был человек и серьёзный знаток своей специальности – клинописи.

5 июля. Мы оставили Калуж и перешли на правый берег р. Ломницы. Вооружённое восстание в Петрограде приняло серьёзные размеры, была стрельба, убитых и раненых около 500 человек. Приняты меры с помощью войск, оставшихся на стороне правительства. Были, судя по газетам, вчера попытки и в Москве со стороны большевиков произвести смуту, но потерпели неудачу; митинги и демонстрации запрещены. Был сильный дождь с грозой, удар молнии попал в вагон трамвая на Высоком (Яузском) мосту. Я промок, стоя у Мясницких ворот.

Никита Окунев

5 июля. Официально сообщают, что «по тактическим соображениям оставлен г. Калуж».

Зато «победоносно» воюем в Петрограде. Прибыл Кронштадтский «десант» на трёх пароходах и трёх баржах, всего около 16 000 человек и торжественно встречен Лениным, Луначарским и другими «товарищами». В единении с ними петроградские бунтовщики буянят день и ночь. Избили и арестовали министра В. М. Чернова, но скоро выпустили. Врываются в клубы, в частные квартиры, стреляют куда ни попало: в толпы народа, по крышам, в магазинные окна и просто в воздух. Всего за два дня насчитывают раненых до 500 человек и с десятком убитых. Из тюрем убежало уголовных 200 человек. 176 пехотн. запасной полк в полном будто бы составе, даже с командиром полка Ставровым, оказался в числе бунтующих. Как кронштадтцы, так и петроградские солдаты демонстрируют, если верить «буржуазным» газетам, в полном боевом порядке с лозунгами «Война войне» и «Передача всей власти советам раб. и солд. депутатов». «Яские ведомости» восклицают: «Все эти “республики” и отложения, кронштадтская, ревельская, царицынская, кирсановская, переяславская и прочие, являются деяниями, которым нет иного имени, как тяжкое, уголовно наказуемое преступление».

В Москве тревожно, но далеко не то, что там, в Петрограде. Я вечером вчера никуда не ходил, а оба дня спокойно занимался в конторе. Значит, ничего не видал, но пишут, что вчера были попытки на Скобелевской площади и на Тверской к заворожке эксцессов, но всех демонстрантов с большевистскими лозунгами освистывали и частью колотили. Впрочем, было нападение на купеческий клуб, но это было только смешно, потому что там шла игра в железку, и «грабите-

ли» в сущности выполнили то же самое, что проделывала ранее полиция при «накрытии» за азартной игрой. Но, впрочем, было бы смешно, если бы не было грустно: при перестрелке убиты один из нападавших и один милиционер.

Московский Совет р. и с.д. на своём вчерашнем заседании большинством 442 гол. против 242 отменил всякого рода демонстрации, митинги и манифестации. Это, может быть, и сдерживает Москву.

† По Виндавской ж.д. разгромлено имение Кн. Вяземского, и при этом зверски убито что-то до 50 человек.

Михаил Богословский, 50 лет

6 июля. Четверг. Великолепный июльский солнечный жаркий день. И для сена, и для ржи как нельзя лучше. Работал довольно лениво; жара ослабляла энергию. Вечером с соседями на скамеечке на берегу читали газету о петроградских происшествиях. 5-го идёт ещё бойня, а колпаки совещаются и вырабатывают текст «декларации». Диктатура нужна в таких случаях, а не декларации.

Елена Лакиер, 18 лет

6 июля. Четверг. Ленин, Зиновьев и компания арестованы. Коллонтай бежала в Финляндию. Все страшно настроены против большевиков и ловят их даже в трамваях. **КФ**

Соборы 1666–1667 годов и их последствия для русской церковной жизни

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

6.10 – 7.10

Москва

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИГЛАШАЕТ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В этом году исполнилось 350 лет церковным соборам 1666–1667 годов, которые закрепили разделение Русской церкви и направили течение народного благочестия по двум руслам.

Решения, принятые на этих соборах, были отменены Поместным собором Русской православной церкви 1971 года, однако порождённые ими и выразившиеся после них проблемы не исчезли и требуют продолжения обсуждения.

ПРЕДСТОЯЩАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТАВИТ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ ОБСУДИТЬ СЛЕДУЮЩИЕ ТЕМЫ:

- историография и публикация деяний соборов 1666 и 1666–1667 годов;
- дискуссионные проблемы истории соборов 1666–1667 годов;
- влияние старообрядчества на народную религиозность и формы бытования вероисповедной практики;
- значение старообрядчества для восстановления соборности в Русской церкви;
- последствия гонений на староверов;
- внутренняя основа жизни единоверия и его положение в Русской церкви;
- принципы канонизации святых в XX в. в старообрядческой и патриаршей церкви.

**Приглашаем к участию в конференции богословов,
историков, религиоведов, культурологов**

Заявку на участие, тему и краткое содержание доклада (700–1000 знаков) необходимо представить **до 30 июля 2017 года**. Оргкомитет оставляет за собой право отклонения докладов, не соответствующих тематике. Предполагается публикация материалов в сборнике конференции.

ОРГКОМИТЕТ:

E-mail: ea@psmb.ru, church-history@sfi.ru

Телефон: +7 965 359 59 47

Секретарь оргкомитета: Екатерина Александровна Алексеева, старший преподаватель СФИ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ТЕМА

ПОМЕСТНЫЙ СОБОР

15 (28) АВГУСТА 1917 ГОДА В УСПЕНСКОМ СОБОРЕ КРЕМЛЯ ОТКРЫЛСЯ ПОМЕСТНЫЙ СОБОР ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ. ПОСЛЕ ЛИТУРГИИ ЧЛЕНЫ СОБОРА НАПРАВИЛИСЬ НА КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ; К ЭТОМУ ВРЕМЕНИ ТАМ СОБРАЛИСЬ КРЕСТНЫЕ ХОДЫ ОТ ВСЕХ СОБОРОВ, МОНАСТЫРЕЙ И ЦЕРКВЕЙ МОСКВЫ ДЛЯ ВСЕНАРОДНОГО МОЛЕБСТВИЯ. В ТЕЧЕНИЕ ВСЕГО ДНЯ ВО ВСЕХ ХРАМАХ НЕПРЕРЫВНО ЗВОНИЛИ КОЛОКОЛА. ЧЛЕНЫ СОБОРА И ВЕРУЮЩИЙ НАРОД МОЛИЛИСЬ ГОРЯЧО, С ЧУВСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕД БОГОМ И ЦЕРКОВЬЮ.

*Из воспоминаний участника Поместного собора
митр. Евлогия (Георгиевского)*

ОДНО ИЗ МЕСТ ТАЙНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ БЕСЧИСЛЕННЫХ ЖЕРТВ МАССОВЫХ РАССТРЕЛОВ – БУТОВСКИЙ ПОЛИГОН, ГДЕ В АВГУСТЕ БУДЕТ ОТКРЫТ МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС. САМОМУ МЛАДШЕМУ ИЗ ТЕХ, КТО ПОКОИТСЯ ЗДЕСЬ, М.Н. ШАМОНИНУ, РАССТРЕЛЯННОМУ 9 ДЕКАБРЯ 1937 ГОДА, 13 ЛЕТ (В ТЮРЕМНОЙ АНКЕТЕ ЕМУ ПРИБАВИЛИ ДВА ГОДА). САМОМУ СТАРШЕМУ – 82 ГОДА. ЭТО СЩМЧ. СЕРАФИМ (ЧИЧАГОВ). КОГДА ЕГО ПРИШЛИ АРЕСТОВЫВАТЬ, МИТРОПОЛИТ УЖЕ НЕ МОГ ХОДИТЬ, НО ЕГО ВЫНЕСЛИ НА НОСИЛКАХ.